

Михаил Волохов

ИГРА В ЖМУРИКИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аркадий.
Феликс.

Наши дни.

Одна из комнат на проходной номерного Медико-санитарного отдела. На сцене темно. Входят с большими авоськами Феликс и Аркадий. Феликс включает свет. Аркадий тут же его выключает.

Аркадий. Ты шо, блин, совсем туха? В холодильник сначала упакуй провизию.
Феликс. Засношал.
Аркадий. Кто кого засношал.

Перекладывают продукты из авосек в холодильник, в шкаф. На стол ставят кастрюлю.

(Включает свет.) Эти больные, сука, умники-наушники, так и зырят по сумкам, так и зырят. А чего это вы, мальчики, несете с пищеблока? Сами, курвы гебешные, черную икорочку на красненькую намазывают, а тут килограмм капусты спокойно взять не дают.

Феликс. Вот главный зайдет, а из шкафа твоя капуста трипперная торчит килограмм на пятьдесят. Тяжелоатлет, ебена-ть.

Аркадий. А ложил я на этого главного с площади Эдмундóвича свой большой и длинный.

Феликс. На балконе капусту солишь?

Аркадий. Я тебе шо квакаю, когда ты урюк сушеный здесь килограммами и молоко, сука, трехлитровыми банками для умащения желудка язвенного пиздишь?

Феликс. Блядь, заебал, на хуй.

Аркадий. Перевелся в мою смену - здесь немножко свои порядки - изволь иметь к мозгам.

Ф е л и к с. Полюбился ты мне, гребень, - потому и перевелся. Для меня, хохлушка, ты хоть всю больницу распачкуй - мне по хую. Это ты тут на лимите - должен перестраховываться. Я проколотый.

А р к а д и й. Я не еврей - я на лимите. Вот Гитлер охуительно был прав. Я б тоже всех вас, жиденков Эдмундóвичей, туда же, на хуй.

Ф е л и к с. Ну и я бы туда же всех вас хохлямундских партийных начальников. А за жиденков Эдмундóвичей и по чану могу врикошетить.

А р к а д и й. Точно, значит, еврей. Русские фамилии, как гондоны, напялили и ебете всех в жопу, сука, жида, блядь, жоржики пархатые, вонючие.

Феликс резко поднимается со стула.

Ну врикошетить по чану, чайник, - я погляжу, блин, кто первый врикошетит. Правду-матку не перешибешь кулаками, Феликс Эдмундóвич. Хавать бум?

Ф е л и к с. В жопу, пиздорвашка, дурака вогнать, чтоб голова не дрыгалась. А?

А р к а д и й. Чиво?

Ф е л и к с. Мясо взял, говорю?

А р к а д и й. Мясо дома жрать будешь, пидар. А тут каклеты заглатывай вонючие. Брезгуешь. Как их только больные улопачивают?

Ф е л и к с. Нашим больным курочку из дома приносят отварную.

А р к а д и й. На гебистскую зарплату, сука. А ты тут, на хуй, каклеты вонючие умасливай. Да не серь - есть мясо. Клавка мне кусманчик отфулюганила. Это тебе, еврею, мяса никогда не дают. И правильно!

Ф е л и к с. Ну, прохандехает Клавка теперь у меня через проходную - зажмет мне мяса еще.

А р к а д и й. Да она вон через дыру в заборе учапает, как сегодня. Ловить ее, курву, сповадишься? А поймашь - тебе ее мужик из ребер доминушки смандячит. Один такой ловил - теперь вон дождевых червей словил на двухметровой глубине.

Ф е л и к с. В очко ее мужика я не драл. *(Открывает кастрюлю.)* Ну, каком хуя ты опять мясо в эту мандавошечную тушеную капусту всандячил? Тарелок, что ль, мало?

А р к а д и й. Тебе надо на тарелку, ты и делай себе на тарелку, министр. Мне лично - посрать.

Ф е л и к с. Замудохал ты меня, поносник.

А р к а д и й. Вот когда замудохаю, тогда и скажешь, что замудохал. А то - точняк - по рыльничку сопатому замудохаю.

Ф е л и к с. Нет, лохач, я тебя уделывать не буду - я тебя просто местным гебистам сдам и все.

А р к а д и й. Еще кто кого сдаст. А то, что ты, Эдмундóвич, наклепщик - я в этом никогда не сумлевался. Тебе человека расстрелять - тебе, на хуй, это удовольствие. Все вы, Эдмундóвичи пархатые, на одну физию. Пахать белоручите, а Нобелевскую премию вам отпишите. Нет - Гитлер точно был прав. Я бы вас тоже в Дахао - туда же. Вот Сталин тоже четко лупил в ситуацию.

Ф е л и к с. Ну, он бы тебя первого, хохла-сявку, и отзаправил по ленинским местам за морковку. Сам-то что здесь в больнице вохром филонишь - тоже ведь, блядь, хохложопия, горбатить не любишь. На овощах, вон, крысятничьих капитал стряпаешь.

А р к а д и й. Ну а хуй ли государство меня в зарплате обворовывает - сам пиздел. Да я еще в таксопарке слесарем горбачусь. Если б у меня хата, как у тебя, слизняка,

была, ты бы меня здесь, на проходной, хуй бы когда увидел. А в зоне ты б мне, вору, сохач с пятьдесят восьмой, попался бы. Я б тебя твоими же кишками накормил, вафлями запить дал, да за уши к потолочку гвоздоточками прищканапатил.

Ф е л и к с. Ну ты, сявка козырная, - красная косыночка. Крутанул весь Куйбышев - съебал в Москву. В зону тебя, шакала хитрожопого, - хуй зацапаешь.

А р к а д и й. Да не тебе, чихику-писателю, зацапывать. Бля, мужику тридцать семь лет - ни жены, ни детей. А хата трехкомнатная у козла есть в центре. Вот на хуя тебе фатера - да еще трехкомнатная?

Ф е л и к с. Блядством заниматься, попочка. В первой комнате трахать, во второй - кишками душить, в третьей - за уши к потолочку гвоздоточками прищканапачивать и заканчивать, блядь, во все дырки: в ротик, в отверстие анальное. А Манька-то визжит, кровью прыскает, а я торчу.

А р к а д и й. Ну, сука.

Ф е л и к с. Хочешь такую сексуальную фатерку, хохля? Не, точно, хочешь?

А р к а д и й. Ну хочу.

Ф е л и к с. Хуй ты ее когда получишь.

А р к а д и й. Ну вот, а еще великим писателем русским, гуманистом, сука, заделаться хочет. Садист сексуальный, картежник, твою маму. Ты только вот еще попиши у меня здесь поэму. Ты сюда что, пожарником пришел за столыжник, за Катюшу въебывать, - вот и въебывай пожарником за Катюшу хрустящую. У тебя есть три свободных дня - вот и малюй тогда свою растлительную поэму. А тут на сутки пришел - втыкай сутки честно. Пожарник, раздрыть твою кобылу, писатель-потаскушник. Я тебя научу работать пожарником. А то он тут еще больных кажную смену на сотни обдирает. Люди сюда легли после тяжелых ранений, ответственных заданий, после Афгана, Чернобыля, из глубокой разведки, на хуй. Ты вон - солдата из Чернобыля на три с половиной Кати раздел, а третьего дня его похоронили.

Ф е л и к с. От радиации он лапки откинул, а не от того, что мне лавы просрал.

А р к а д и й. Блин, на четыре метра чувака закопали - это чтоб радиация на поверхность не просочилась.

Ф е л и к с. Уж, во всяком случае, там ему триста спущенных хрустов - на хуй усрались, А, кстати, ты с ним рядом сидела, хохляшка, когда мы в картишки перебрасывались - мог и подхватить радиацию. А?

А р к а д и й. Что? Так мог и подхватить, что ль?

Ф е л и к с. Да не бзди, хохол. Вон, чернобыльские хохлы больше немножко радиации хватанули - и то не бздят. Или куйбышевские хохлы бздюхаристее чернобыльских? Для меня это, как для писателя - открытие, твою поленом.

А р к а д и й. Чиво я играть с вами тогда садился? И меня ты, сука, тогда обул на сто один рубль, своего товарища по службе, - безжалостно обул.

Ф е л и к с. Сам подсел - и сам просишься в картишки-то.

А р к а д и й. Подсел-то в штанах, а отсел, едрить твою, без трусов. Ну ты у меня поэму попиши еще, я тебя точно научу работать пожарником, сука. *(Ест тушеную капусту.)*

Ф е л и к с. А ты у меня еще овощей из пищеблока покачаешь, я тебя самого откачаю в Петровку. Без лажи. Удовольствие получу.

А р к а д и й. Что ты сказал, пидар? Повтори.

Ф е л и к с. Висций получу кайф, петюнчик!

А р к а д и й. Ну ты ладно, Феликс, ффраерюга, ну ты должен понимать шутки веселые. Ну надо писать поэму - ну пиши свою ебическую поэму. Сам же понимаешь, что это на хуй кому обосралось. И в картишки играй, - пожалуйста. Делать же все равно во время дежурства не хуя. Ты чувак свой в доску. Когда тебя народ просит, ты никогда в картишки не отказываешь. А то, что раздеваешь всех под листик, так это кому повезет. Не хочешь играть - не садись. Насильно никто не заставляет. Ты тоже иногда проебываешь Вите.

Ф е л и к с. Витюха - первый номер. Одно мое слово - он тебе чердак точно свернет, хохлямушка.

А р к а д и й. Витюха-Муромец - чувак отличный, на хуй.

Ф е л и к с. Ты, блядь, капусту штефкаешь - она же туалетом воняет. И мясо все в капусте провоняло. Сдам я тебя, хохлямундия в Петровку. Или Витюха тебя жить научит, - не вижу я другого выхода.

А р к а д и й. Ну ты прав, Феликс. Я ж тоже понимаю, что эта капуста говном воняет.

Ф е л и к с. Говном воняет, а жрешь, как Гаргантюа.

А р к а д и й. А кто такой Гаргантюа?

Ф е л и к с. Охуительно долго объяснять.

А р к а д и й. Нет, - можешь и не объяснять. Я, может, и не пойму. Я простой человек, Эдмундóвич, народ. А ты вот пишешь для народа. А когда тебе народ вопрос предлагает, ты занят. Ну хуй ли, блядь: занят так занят. Ты, может, гений народный. У тебя, может, каждая минута - Нобелевская премия. Я понимаю - я не обижаюсь. Я простой человек, Феликс Эдмундович. Вам, евреям, бабки надо заколачивать на чуйствах-страданиях простого русско-хохлятского человечка, а тут давай живи-подыхай вечным вохром сторублевым. Когда ты в карты нас, простых людей, шельмуешь, я меньше обижаюсь, если честно. Но вот конкретно: твои поэмы кому, на хуй, нужны? Сам же говоришь - не печатают. Мне до лампы: это твоя ебическая проблема. Я только не врублюсь - какого ля ты тогда бумагу изводишь? Купил бы лучше у меня птичку Кешу - знаешь, как поет извращенно. Вот он, кенарь-то: махоньякая такая пичужечка, а когда поет - вот это искусство валит епическое-ебическое. А вот что твое искусство такое, Эдмундóвич, я не хуя не понимаю. Почитать бы хоть дал или объяснил популярно, об чем речь.

Ф е л и к с. Интересуешься искусством, Аркаша?

А р к а д и й. Ну а что я совсем пень-пнем?

Ф е л и к с. Да уж объясню я тебе, мальчик, что такое мое искусство. Кто усердно просит, тому дают.

А р к а д и й. Ну вот - приятно слышать.

Ф е л и к с. Я не первый писатель в этом мире, Аркаша. Так?

А р к а д и й. Так.

Ф е л и к с. Ну а ты, стало быть, не первый мудак, кому все эти мои писания, на хуй, обосрались. Так?

А р к а д и й. Нет, ну Гитлер точно прав был, Эдмундóвич. Ты на меня, писатель, обижайся не обижайся, а Гитлер прав был абсолютно.

Ф е л и к с. Вот и пишу я для того, чтобы таких парашников, как ты, поменьше было.

А р к а д и й. А я, читатель, говорю, что тебя, Бегена-писателя, давно убивать пора.

Слышен шум машины.

Открой ворота - главный.

Ф е л и к с. За твои ворота вохровские мне червонцы не печатают, хохляндия.

А р к а д и й. Ну, блядь, сука, Абрам-пожарник!

Выходит. Выпускает машину главврача. Заходит.

Ну пожарник жопистый, ты у меня полыхать будешь, я тебе хуй помогу, синагожке.

Ф е л и к с. Тебе, чувак, три дня отпуска дают за то, что ты в пожарной дружине числишься. А мне за твои эпические ворота - хуй с маслом.

А р к а д и й. За ворота, конопашка, ты мог иметь мое к тебе хорошее отношение.

Ф е л и к с. А в гробу мне укакалось твое ко мне хорошее отношение, лохачёнок.

А р к а д и й. Погоришь, Абрамчик - как пить дать погоришь. Пожар-то, он от ветра шибче разгорается. Ты никогда не задумывался, что тебе засветится, если вся эта сифонная гебешная больница запыляется со всеми людьми, со всей аппаратурой валютно-заграничной?

Ф е л и к с. Поджигай. Мне главное из города пожарную команду вызвать.

А р к а д и й. Ну ты еврей - ты всегда отмажешься, это точно.

Ф е л и к с. Рыжий еврей.

А р к а д и й. Что?

Ф е л и к с. А то, что стукачи, убийцы гебешные, что здесь лечатся, в этой секретногебешной лечебнице, пусть горят. Земным огоньком их ошпарить надо, а то ж в аду чертей пересажаяют, когда, бычары, на Страшный суд явятся. Опытные.

А р к а д и й. И не ссышь ты мне это все транслировать, Эдмундóвич?

Ф е л и к с. А не ссышь ты это все на ус мотать, Аркаша?

А р к а д и й. Пацан ты интересный, покалякать с тобой - одно удовольствие. А то ж здесь за двадцать четыре часа бессменных со скуки можно сбрыкнуться. Маринка, пизда, уволилась. Ты Маринке-то хоть впер?

Ф е л и к с. Кому хочу, тому я и впираю, коллега.

А р к а д и й. Вот все вперли Маринке, а ты, коллега, забрезговал. И в этом пункте, Эдмундович, ты от коллектива отошел. Я понимаю - ты медсестричек стерильных в своей трехкомнатной фатере к потолочку за ушки гвоздоточками прищканапачиваешь и жарил в такой позе во все дырки. Бабушка тебе, говоришь, квартиру по наследству отписала? Грибы твоя бабулька, видно, сильно собирать любила и кушать, как и все бабушки.

Ф е л и к с. А если да, то что?

А р к а д и й. Да просто трудно доказать, что человека предумышленно отравили, когда он бледную поганку схавает.

Ф е л и к с. Я полагал, что ты мудак именно такого уровня.

А р к а д и й. Полагал?

Ф е л и к с. Полагал.

А р к а д и й. Ну и Госплан.

Ф е л и к с. А я о чем.

А р к а д и й. А теперь, значит, сандалишь стерильных медсестричек, в своей дармовой трехкомнатной хазе прищканапачивая их к потолочку гвоздоточками?

Ф е л и к с. Гвоздоточками.

А р к а д и й. И поэмку, пишешь, как бабушку бледной поганкой прибрал?

Ф е л и к с. Пишу, Аркаша. Достоевский раз написал такую штучку, а я еще раз пишу.

А р к а д и й. Ну так позволь мне у тебя спросить, Феликс Эдмундóвич, великий писатель совейский.

Ф е л и к с. Ну-ну, вопросик - пожалуйста. Все вопросики, пожалуйста, к совейскому писателю. Ну.

А р к а д и й. У тебя пьеска от ебли не пухнет, Эдмундóвич?

Ф е л и к с. Сократовский вопрос, совдепия, сократовский! Ну и позволь мне ответить по-эпикуровски.

А р к а д и й. Весь внимание, - отвечай. Ну-ну.

Ф е л и к с. Хуй у меня от ебли слюной сперматической исходит - так ему хорошо.

А р к а д и й. Ну вот просто первый раз я такое еврейское говно в жизни встречаю. Я тебе по дружбе говорю.

Ф е л и к с. Ну я тебе давно уже по дружбе сказал, что такого брендсбойдного разговаривающего хохлятского поноса я представить просто себе не мог, что он мог таким смердящим из матери природы высраться.

А р к а д и й. Тебе, Феликс, жить, - отъебись, на хуй.

Ф е л и к с. Тебе не жить?

Слышно поскуливание собак.

А р к а д и й. Опять все мясо сожрал - собакам не оставил, сука.

Ф е л и к с. Чтобы они всю ночь здесь за тебя ворота стерегли, когда ты дрыхать будешь в час ночной не по инструкции?

А р к а д и й. Ты тоже час ночной не по инструкции кемаришь - тебе тоже собаки помочь, если что, смогут.

Ф е л и к с. У меня на то пульт противопожарный с сиреной.

А р к а д и й. Кто из нас говно? К тому же вот Лев Толстой мясо совсем не жрал, а в шестьдесят лет имел стоящий хуй, потому как детей рожал и был, между прочим, очень великим писателем.

Ф е л и к с. И ты вот мясо не жрешь. Почему тогда мудака?

А р к а д и й. Поговори-поговори.

Ф е л и к с. Откуда знаешь, что Лев Толстой мясо не жрал?

А р к а д и й. Да у нас в таксопарке тоже один писатель пожарником заделался - тоже все поэму эпическую пишет. Да тот хоть ворота не брезгует открывать - и то хоть от него польза ребятам. И Люське-диспетчеру все вперли - и он впер. А ты? Кончил МВТУ им. Баумана. Получил охуительную специальность - инженер по космической сварке. Государство на тебя тысячи золотом ухандокало. Нет, сука, захотел стать миллионщиком, Солженицыным. Отзаправил на тот свет баушку, устроился пожарником чтобы не работать, растлеваешь медсестричек, молоко пиздишь, сухофрукты, лекарства; в картишки народ раздеваешь на тыщи, поэму антисоветийскую кропаешь для самолечения души своей испепеленной, - твои слова, я запомнил, на хуй. Нет, ну образ совейского коммунаги, которого надо к стенке. А тебя тут еще стольником государство одаривает. Тебя бы сейчас в урановый забой, ты бы человеком сразу стал. И почему ты до сих пор не в Израиле, Шамирчик? И там ты на хуй кому нужен, пожарник. Поэму там и без тебя писать мудозвонов хватает. Да тебя туда еще хуй пустят. Не, ваще, мне тоже комично. Гебисты в нашей больнице лечатся, а мы с тобой тоже режимники - тоже подписку первому отделу давали о неразглашении государственной тайны, что гебисты у нас здесь лечатся. Косвенная секретность, еб твою мать. У космонавтов, министров, генералов, на хуй, и старики здесь свою жизнь доканчивают. Не хотят сами, суки, за

предками своими ухаживать. В бледных поганках, небось, бледно разбираются. А простого смертного сюда положат, - жди. А была деревенька здесь когда-то русская - рядом с этим номерным медико-санитарным отделом. Еб твою мать.

Ф е л и к с. А в прошлом годе поснесли дома - поразогнали старичков и старушек. Испугались гебисты, что люди правду какую про них акулам империализма выдадут.

А р к а д и й. Одно хорошо - не пустят тебя, товарищ Поливайлович, в Израиль с этой больнички, ты даже можешь и не проситься.

Ф е л и к с. Уверен, что хочу в Израиль?

А р к а д и й. А что тебе здесь делать, в Союзе? Поэму не печатают, как инженер деградировал. Работа пожарником за столярник - говно работа. Интеллигент, шизофреник, еврей. Патриоты вас в тисочки завинчивают. Я б ваще, на хуй, всех вас евреев к стенке и без разговоров, сразу - всю вашу подлянскую нацию марксистскую. Зря ты до сих пор не за бугром, еврейчик, зря. Попомнишь мои слова - поздно будет.

Ф е л и к с. Жить я не ссу, Аркаша, денег у меня и здесь прорва, а людей там за бугром мне убивать больше не хочется.

А р к а д и й. Че?

Ф е л и к с. Хуй через плечо - работать надо. В картишки играть бум?

А р к а д и й. Бум. А-а птичку у меня купишь?

Ф е л и к с. Хорошо поет?

А р к а д и й. Извращенно поет.

Ф е л и к с. И започем кенарь-то?

А р к а д и й. За четвертак отдам - с клеткой. Одна клетка пятнадцать рублей стоит.

Ф е л и к с. Что так смотришь?

А р к а д и й. Как смотрю?

Ф е л и к с. Как хуй на целку через стенку.

А р к а д и й. А? Ха-ха. *(Смеется.)* Да выпить чего-то хочца. Может, нас сегодня каким жмуриком медсестрички одарят. Я тебя, Феликс, за одно здесь уважаю: что ты в первую смену начал жмуриков со мной в дуборезку катать и что ты мне свою долю спирта отдаешь безвозмездно, на хуй.

Ф е л и к с. Мастырка ужигает.

А р к а д и й. Язвенник. А какой ты, на хуй, тогда, в пизду, писатель, если не пьешь? С одним жаргоном эковским писателем не взлетишь. Сидел, что ль, говори честно. По какой статье?

Ф е л и к с. По влажной - привычное дело жмурики. *(Достает из кармана и кладет на стол колоду карт.)*

А р к а д и й. *(Берет в руки колоду карт.)* Свеженькая колотушка. Замочно. Разорился?

Ф е л и к с. Ты б хоть раз разорился. А то на меня бочку катишь, а сам дешевка дешевкой, Аркашка.

А р к а д и й. Семья, деньги нужны. И не я тут каждый день мильёны вышпиливаю.

Ф е л и к с. Лимоны. *(Кладет на стол на кон рубль.)* Хруст. Может, больных кого позовем, сантехников, Витюху?

А р к а д и й. А может, идут они сегодня на хуй, Феликс. Накурят, шума будет - Витюха разует. Тебе надо?

Ф е л и к с. Ну так я разую.

А р к а д и й. Вдвоем много не разуешься. Целковый. *(Кладет на стол на кон рубль.)*

Ф е л и к с. Можно попытаться.

А р к а д и й. У кого больше денег, тот в секу и выигрывает.

Ф е л и к с. До хуя, говоришь, валюты сегодня?

А р к а д и й. Не еби мозги, - потянемся, кому раздатчиком. *(Вытаскивает из колоды карту.)* Десяточка. Ну ты, блядь, сейчас туза вытянешь.

Ф е л и к с. Ебестественно. *(Вытаскивает из колоды карту.)* Туз пиковый.

А р к а д и й. Так и знал. Сдавай, мухлевщик. Чирик, дичка потолок?

Ф е л и к с. Ну, можно и Катюшу стохрустовую. Тугриков у тебя сегодня до хуя и больше.

А р к а д и й. А не надо считать чужие деньги. Дичка. *(Кладет на стол десять рублей.)*

Ф е л и к с. Ну красинькую-то я завсегда поставлю. *(Кладет на стол десять рублей.)*

А р к а д и й. Чиво, Катюша сегодня потолок, говоришь?

Ф е л и к с. Если хочешь.

А р к а д и й. Ну Катюша так Катюша. Еще дичка. *(Кладет на стол десять рублей.)*

Ф е л и к с. Забери. *(Бросает в колоду свои карты.)*

А р к а д и й. Может, по полтийничку зарядим - чего мне там забирать.

Ф е л и к с. Зарядим.

Доставляют на кон деньги.

А р к а д и й. Когда ты проебываешь, Феликс, я так тебя уважать начинаю. *(Сдает карты.)*

Ф е л и к с. А я все думаю, почему я в тебя такой вечновлюбленный. Чирик. *(Кладет на стол десять рублей.)*

А р к а д и й. Кость подвалила, сука, блядь. Опять же наебешь. А четвертной-то лист к ответу не хотите? *(Кладет на стол двадцать пять рублей.)*

Ф е л и к с. Да уж где хохол прошел, еврею делать нечего. *(Кладет на стол двадцать пять рублей.)*

А р к а д и й. Опять же, падла, сливки снимешь. Полтийничек под вас. *(Кладет на стол пятьдесят рублей.)*

Ф е л и к с. Пройти, что ли? *(Кладет на стол пятьдесят рублей.)* Действительно, блядина, деньги появились.

А р к а д и й. Ну не тебе же, Ротшильд, всю жизнь-то при деньгах. Вскрыться, что ли. Ладно, хуй с тобой, объебывай честного человека - прошел еще полтийничек. *(Кладет на стол пятьдесят рублей.)*

Ф е л и к с. Ну ты меня знаешь - я никогда первый на полтийничках не вскрываюсь. *(Кладет на стол пятьдесят рублей.)*

А р к а д и й. Наебешь ведь, еврей. Вскрылся. Тридцать - на червях. *(Кладет на стол пятьдесят рублей.)*

Ф е л и к с. На бубях - тридцаточка.

Показывают друг другу карты.

А р к а д и й. Во, бля, красиво сварили. Тяни давай, кому раздатчиком.

Ф е л и к с. *(Вытягивает из середины колоды карту.)* Восьмерка.

А р к а д и й. Ну у меня, конечно, меньше. *(Вытаскивает из середины карту.)*
Шестерка. Задолбал, амбал.

Ф е л и к с. Очко играет? *(Сдаёт по три карты.)* Слово.

А р к а д и й. Полтийник. *(Кладёт на стол пятьдесят рублей.)*

Ф е л и к с. Смачно пернул. Катюша. *(Кладёт на стол сто рублей.)*

А р к а д и й. Ну ты и бобер, сука. Есть тридцать очей, признавайся по-честному.
Прошел. *(Кладёт на стол сто рублей.)*

Ф е л и к с. Что ты такой серьёзный? Три туза пришло? Бля, как Муссолини. Да выигрывай эти сраные бабки. Прошел. *(Кладёт на стол сто рублей.)*

А р к а д и й. Ну мне эти бабки мандавошечные тоже, на хуй, усрались. Прошел Катюшу. *(Кладёт на стол сто рублей.)* Жопой чую: наебешь опять. Сука, на фуфу заловишь.

Ф е л и к с. Еврей да хохла на фуфу не заловит - какой я тогда, к ебням, еврей. *(Кладёт на стол сто рублей.)*

А р к а д и й. Вскрылся, сука!!! *(Кладёт на стол сто рублей.)* Тридцать два.

Ф е л и к с. Тридцать три.

А р к а д и й. Покажи! Ни хуя себе!!! Ну, сучня еврейская. Бля - пятьсот рублей за пять минут просрал. Ни хуя себе - тридцать три. Опять в очко зарезал. Блядь, дай сюда колотушку. *(Просматривает колоду карт.)* Сука, три туза пришло. А у меня шаха, туз и дама пикушная. Пикушная дама, сучка!!! *(С силой бросает карту.)*

Ф е л и к с. Продолжим?

А р к а д и й. Иди на хуй, иди, сука, пиши свою ебическую еврейскую поэму - от меня только отъебись, на хуй.

Ф е л и к с. Ну отыграешься в другую смену, ну стоит так расстраиваться? Деньги - это говно бумажное.

А р к а д и й. Пятьсот рублей говна за десять минут - не хуя себе не переживать. Мне полгода на этой поганой вохровской пахоте за это говно батрачить, сука. Небось, рад до усрачки.

Ф е л и к с. Для меня деньги - мусор, ты знаешь. В это говно выигрывает тот, кто к этому говну легче относится.

А р к а д и й. Да уж легче меня к этому говну никто не относится, твою не так. Ну тебя точняк ни одна баба не любит.

Ф е л и к с. Ну почему не любят - меня как раз любят: и в заглот берут, и в попу дают. Знаешь, как хорошо живого человека в попу. Во-первых, бля, мягонько, во-вторых - хуй плотно так обжимается, а в-третьих, эта процессия очень сексуальная.

А р к а д и й. Да уж, неплохо живого человека в попу - чуешь процессию.

Ф е л и к с. Пробовал?

А р к а д и й. Щас попробую. Тебя, суку, удавлю, на хуй, и попробую.

Ф е л и к с. Сказано - сделано.

А р к а д и й. Блядь, что я, мудака, приехал в эту дешёвую Москву на эту объебистую работу? Вот раньше я, на хуй, тугрики зарабатывал в Куйбышеве.

Ф е л и к с. Проворовался там, приехал сюда - все по графику.

А р к а д и й. По фургону картошки в день заворачивал - по куску, по косой в день зарабатывал. Не то что ты, писатель - картежных дел мастеровой.

Ф е л и к с. Пятьсот рублей за десять минут - слабо что ли?

А р к а д и й. Клево, на хуй. Да мне бабки по фигу. Я сейчас проношил - проношил. Спокойно, без нервов. А ты бы на моем месте сейчас точняк

укантропопился. Просто жалко, что такому фраерюге худосочному деньги достались.

Ф е л и к с. Да уж, как деньги достаются, так они и уходят. Легко, наверно, тебе пять сотен достались?

А р к а д и й. Да как я вчера эти пять сотен заработал, тебе, оленю фаршированному, хуй когда заработать. Красиво, изячно заработал.

Ф е л и к с. Да вижу, что изячно, не за полгода этой вохровской каторги.

А р к а д и й. Вот и иди на хуй. Понял?

Ф е л и к с. Ни хуя не понял.

А р к а д и й. Поймешь, когда по шнобелю ебну.

Ф е л и к с. И я могу ебнуть по шнобелю. Лопатой, там, совковой, ломом, огнетушителем - у меня до ебаной страсти этого противопожарного, противохлямундского инструмента. Потом и шильцем могу, сажалом, да и бритвочкой по глотке тоже могу.

А р к а д и й. Что ты хуйню такую пиздишь, жиденок?

Ф е л и к с. Хуйню?

А р к а д и й. Ты и взаправду человека можешь рубануть, на хуй?

Ф е л и к с. А ты не можешь?

А р к а д и й. Какие-то вопросы у тебя непонятливые.

Ф е л и к с. Ну ты первый с непонятливыми вопросами в душу клинишься.

А р к а д и й. Я просто спрашиваю, а ты с какой-то начинкой гадюшной.

Ф е л и к с. А ты мне что, мало змеиной начинки подкачиваешь? Открытие новой звезды в созвездии Мудозвона, ё.

А р к а д и й. А вот так - хуй ее поймешь.

Ф е л и к с. Кого хуй поймешь?

А р к а д и й. Житуху нашу ползающую хуй поймешь.

Ф е л и к с. Подход к России ленинский.

А р к а д и й. Блядь, заебал, на хуй!

Ф е л и к с. Ты слышал, вчера еврея одного рыжего с высотного дома поутрянке в подъезде грохнули? В семь часов. Темно щё было.

А р к а д и й. Не хуя не слышал.

Ф е л и к с. Да в соседнем квартале. Не слышал?

А р к а д и й. Это в башне, что ль? Не хуя не слышал. Еврея грохнули?

Ф е л и к с. Рыжего еврея. Факт фактический.

А р к а д и й. Ну и одной фактической еврейской сукой меньше стало.

Ф е л и к с. Не хуя ему было с КГБ контакить - доконтачился.

А р к а д и й. Чё, он с КГБ контакил? Тявкой больше. Откуда знаешь?

Ф е л и к с. Ну у меня, писателя, знакомых до ядерной фени, Моська.

А р к а д и й. А чего он это с КГБ контакил? Чего это ему усралось?

Ф е л и к с. Его надо было спросить. Я слышал, он сначала был фарцой книжной. Книги дефицитные ксерокопировал, продавал. Ницше, Бердяев, Фрейд, Авторханов, Солженицын, Волохов - ну и так далее. Знаешь?

А р к а д и й. Кроме Волохова, ни хуя ни кого не знаю.

Ф е л и к с. Не важно. Ну потом его гебисты за жопу схватили. Предложили: или на нас работай, или на Колыму, на хуй, запрячим - в урановый забой. Ну он и согласился.

А р к а д и й. На что согласился?

Ф е л и к с. На КГБ работать согласился - прежних своих дружков заваливать.

А р к а д и й. Вот, сука, на хуй. Но, наверно, дружки его тоже одна сволота. Я не уважаю книжников. Я у одного книжника Дюму Монте Христо купил вон за сороковник - теперича ни хуя не уважаю.

Ф е л и к с. Что-то ты весь вспотел, Аркадий Всеволодович. Неважно себя чувствуешь?

А р к а д и й. Да нет - нормально. Чего, заметно, что я себя неважнецки чувствую?

Ф е л и к с. Да нет, как привыкнешь, вроде незаметно. В начале смены заметнее было.

А р к а д и й. Чего заметнее?

Ф е л и к с. Да вот руки у тебя как-то дрожат психически. Да и голос чего-то поскрипывает - будто несмазанный, непромытый будто. Че с тобой случилось-то?

А р к а д и й. (Прокашливается.) Да это мы вчера с корешами поддали. Чересчур промыл голосище-то.

Ф е л и к с. Потом уже поддали?

А р к а д и й. Ну естественно. (Пауза.) Ну как узнали, что в высотном доме еврея рыжего грохнули, ну пошли, посмотрели, потом пошли, поддали. Там, блин, кровищи - с океан бермудский. По горлу чувака бритвой полоснули, чтоб не мучился долго. А? Правильно?

Ф е л и к с. Ну-так. Интересно, значит, было посмотреть, как человека рубанули?

А р к а д и й. Не человека - еврея, на хуй. Понял? Ну посмотреть-то всегда интересно. Толпа собралась. А что интересного: смерть, кровь, грязь, на хуй.

Ф е л и к с. И Раскольников потом поглядеть тянуло. Все человеки.

А р к а д и й. Что?

Ф е л и к с. Дед Пихто и бабка с пистолетом.

А р к а д и й. Я тебя, емариста, там тоже видел.

Ф е л и к с. Дружкам своим на меня пальцем тыкал. Видал.

А р к а д и й. Ну мог подойти поздороваться, познакомиться с моими корешками. Все-то ты, еврей, брезгуешь простого человека.

Ф е л и к с. Ну и прилично потом поддали?

А р к а д и й. Да, уж, приличественно - весь день в отрубешнике был.

Ф е л и к с. Значит, с утра пошли, поглядели на убитого еврея, потом пошли, поддали. Так?

А р к а д и й. Ну так.

Ф е л и к с. Потом весь день в отрубешнике. Так?

А р к а д и й. Тебя это сношает?

Ф е л и к с. Но ты же говоришь, что и пятьсот рублей вчера заработал - это когда в отрубе, что ли? Ловко. Но не понятно.

А р к а д и й. А ты что, в следователи ко мне записался?

Ф е л и к с. А что, неважнецкий из меня следователь?

А р к а д и й. Замурьжил ты меня, Феликс Эдмундóвич, - охуительно замурьжил. Снял пятьсот хрустов - отстегнись спокойно. Что тебе от меня надо? Хочешь писать поэму? - иди пиши свою ебическую поэму, а от меня, манишка крахмальная, отстегнись, по-хорошему.

Ф е л и к с. Да не хочу я писать эту свою ебическую поэму - закрахмалила она меня в доску. Поговорить вот с хохлятским человеком по душам хочется.

А р к а д и й. Что у нас с тобой разговор - как собаки лаемся.

Ф е л и к с. Ты первый начинаешь.

А р к а д и й. Еще кто первый начинает. У тебя ж характер, сука, козырной зёковский. Так-то характер мне твой нравится. А так-то ты мудака мудаком. Ну вот,

не могу я с тобой иначе разговаривать, Феликс Феликсович. Ты интеллигент творящеский, - поэму свою эпическую кропаешь, на хуй никому не нужную. Я, блин, твою жизнь абсолютно не понимаю. И водку не пьешь, и Маринке не впер, - это не по-свойски. А что, этот рыжий точно в КГБ проданся? Евреев-то в КГБ-то не берут.

Ф е л и к с. Когда приспичит, в КГБ и цэрэушников берут. Телек-то смотришь, - политику? Показывали.

А р к а д и й. Да видел передачку - цэрэушник гебистам проданся. Смелый.

Ф е л и к с. А сам-то чего такой мандражильный, чего ссышь-то все?

А р к а д и й. Чего это я ссу?

Ф е л и к с. Ну как чего ты ссышь, - ты ж его, этого еврея рыжего замарал-то бритвой, фиской по глотке!

А р к а д и й. Чивоо?!!!

Ф е л и к с. Да не ссы - все по-советски: замарал - замарал; пятьсот рублей за работу заработал. Все оплачено, все уверенно - не ссы.

А р к а д и й. Я тебя точно, блядь, замараю, сука! Я тебя, точно, пидар, грохну! *(Бросается на Феликса - тот приемом карате сбивает Аркадия с ног.)* А-а.

Ф е л и к с. Ну что, грохнулся? Скажи спасибо, что ласкательно я тебя еще грохнул.

А р к а д и й. Чего ты дерешься? Я тебе что сделал? *(Встает.)* Откуда ты все знаешь?

Ф е л и к с. В КГБ служу - потому все и знаю. Нарвался ты, мальчишечка, на мою блюбёвь.

А р к а д и й. А гуляй, сука, понтер-блюбёвник, до ветру. Труп мне пришить захотел. А не сполучится. Этот пижон рыжий - гебист. Трави баки - только не мне.

Ф е л и к с. Был гебистом, потом стал на ЦРУ шустрить - своих гебешных тварищей заваливать за доллары. Ну вот, и надо было его охиросимить. Это дело поручили мне, ну а я перепоручил тебе. Теперь ты наш тварищ - проверенный наш тварищ, Аркашка. А ты еще не доволен. Благодарность человеческая. Делай добро людям.

А р к а д и й. Чиво? Мерси, на хуй. Ты мне ничего не перепоручал, япощка.

Ф е л и к с. Так вот, это я тебе конвертик с ксивой и пятью сотнями в почтовый ящик закинул.

А р к а д и й. Ты?! Сука! Фашист, блядь, сука! Убью, на хуй!!

Ф е л и к с. Я был уверен, что с тобой, бздюмовником и националистом, это дело без помех сконтачит. Выбросил посланьице или хранишь?

А р к а д и й. Сжег, на хуй.

Ф е л и к с. «Прости меня, хохол-Аркашка, сердечно, но залудил, проштрафил я тебя в наперсточек ферзю мокрушнику афганскому. Да, к твоему счастью - есть вот обмен смертушек. Вскрой глотку лезвием Сашутке, рыжему еврею по Ушакова шесть, квартирка восемнадцать - твои пятьсот рублишек. А коли запротивишься, шаромыжник таксомоторный, - до завтрашнего дня нет лезвиючка в твоём горлышке. И деталька в помощь: Сашутка в семь утра выходит из подъезда на работу. Неудачливый в наперсток любер-афганский, который тебя, хохла-мужика, на суде том запомнил и веско невзлюбил». Так?

А р к а д и й. Так.

Ф е л и к с. А что сжег писульку, так это профессионально. Ну что, грамотно, литературно я малявку составил? А все пиздишь, зря я занимаюсь литературкой художественной. Это и есть, хохол, то самое искусство.

А р к а д и й. Я перебздел - да. Сука. Афганские любера - это самые лютые платные убийцы в Москве, я знаю.

Ф е л и к с. Много ребяташек с Афгана после дембеля в убийцы пошли. После Афгана оно привычно мирных людишек шпокать. А ты и без Афгана лихо справился - цену.

А р к а д и й. Я на суде против одного любера речь толкал. Он ночью таксиста нашего по горлу бритвой ради копеек, сука. Я подумал, что дружки его меня вычислили. Я тебе рассказывал, гаду, про суд.

Ф е л и к с. Ну я и воспользовался.

А р к а д и й. Падаль!!! Понял ты кто, - падаль.

Ф е л и к с. Ну ты тоже, змей, не подарочек. Пришил еврея хладнокровно, будто всю жизнь людей скальпировал. Или трудно было?

А р к а д и й. Хуй ли, блядь, трудного. Я бутылку пива раздавил перед этим. Когда я бутылку пива выпью, мне все по хую. Мне больше не надо - только бутылку пива. Это после дела я могу ужраться. У меня же жена, две девочки. Я подумал: как бы они без меня остались? А к мусорам обращаться за помощью - это ж бесполезно. Только хуже могло получиться. Я так соображал.

Ф е л и к с. Я рассчитывал на твою семейную сообразительность, Аркашка.

А р к а д и й. Ты страшный фашист, сука. И я вот, на хуй, убил человека, а будто и не убивал человека, еврея.

Ф е л и к с. Знаю.

А р к а д и й. Знаешь? Ты тоже убивал? А кого? Евреев тоже?

Ф е л и к с. Кого я - тех уже нет человек, евреев.

А р к а д и й. А ты еврей, сам-то?

Ф е л и к с. Все мы евреи, если по Марксу живем. Или по Христу.

А р к а д и й. И многих ты своими руками?

Ф е л и к с. Профессия.

А р к а д и й. Замочная профессия. Теперь я понял, почему ты поэму пишешь для самолечения и читать никому не даешь. Твои же гебисты тебя и хлопнут без очереди. Про делишки свои мокрушные пишешь?

Ф е л и к с. Так и быть, Аркаша, куплю я у тебя кенаря - извращенно ты мне показываешься.

А р к а д и й. А ты мне ни хуя не показываешься, Эдмундóвич. Что я тебе такого плохого сделал? Ты что, осерчал, что я тебя попросил молоко с пищеблока поменьше пиздить? Но ты ж офанарел со своими трехлитровыми банками. У больных же пиздишь. Они ж тебе, своему сотруднику, столько денег в карты просаживают. Ты цистерну парного молока после каждой смены можешь покупать.

Ф е л и к с. Ну спиздить-то куда приятнее, если можно спиздить. Тебе ли это объяснять, хохляндия?

А р к а д и й. Конечно, оно приятней спиздить, если можно спиздить, Эдмундóвич.

Ф е л и к с. А спиздить у своих коллег, убийц хронических, литра три молока под носом - это ж роскошвенно, это ж интерес спортлотошный.

А р к а д и й. Что-то мы все тут собрались убийцы.

Ф е л и к с. Теперь вот и ты стал членом нашего тварищества. Учись точнее выражаться.

А р к а д и й. Ххорошо.

Ф е л и к с. А дрожит у тебя голосок. Тебе еще далеко до профессионализма.

А р к а д и й. Зачем ты это со мной сделал?! Кого другого нельзя было найти?

Ф е л и к с. Вот как ты сам, хохол, за чужой спиной отсидеться-то любишь. Ты считаешь, что я с тобой обшибся?

А р к а д и й. Да, вроде, как сказать.

Ф е л и к с. А если четко, уверенно ответить?

А р к а д и й. Я думаю, что вы во мне не ошиблись, товарищ.

Ф е л и к с. Вот и хорошо. Нам свежестроенные кадры нужны. Предательские кадры мы не перестраиваем. *(Большим пальцем проводит себе по горлу.)*

А р к а д и й. Так точно.

Ф е л и к с. Еще задание получишь - исполнишь?

А р к а д и й. Так точно. Какое задание?

Ф е л и к с. Ну кого-нибудь там к праотцам забросить. Члена какого, дармоеда еврейского, который мешает жить советским людям. Ты же советский человек, хохляндия?

А р к а д и й. Я - советский человек.

Ф е л и к с. Ну так, исполнишь?

А р к а д и й. Прикажете - исполню члена антисоветского.

Ф е л и к с. Да, хохол, замочный ты кадр - просто невозможно не купить у тебя кенаря. За четвертак, говоришь, отдаешь птичку?

А р к а д и й. Да знаешь, Эдмундóвич, я вот что решил - не надо у меня покупать птичку, я ее тебе так подарю.

Ф е л и к с. Кеша, друг! *(Обнимает Аркадия.)* По гроб жизни обязан за птичку - такое счастье.

А р к а д и й. Да не за что, Феликс Эдмундóвич, не стоит. А послушай, Эдмундóвич, ты меня, конечно, того, - извини, а у тебя что, есть и книжечка?

Ф е л и к с. Какая у меня есть книжечка?

А р к а д и й. Да красненькая такая книжечка - по ней еще пройти везде можно.

Ф е л и к с. А-а - члена писателей советских красненькая книжечка? Да нет у меня такой книжечки, Аркаша, не вчленился еще официально.

А р к а д и й. Да не, Феликс, другой красненькой книжечки.

Ф е л и к с. Какой другой?

А р к а д и й. Ну этой - члена КГБ.

Ф е л и к с. А-а-а - куда гнешь, змеюга. А зачем тебе?

А р к а д и й. Да посмотреть очень хочется. Интересно. Никогда не видел.

Ф е л и к с. Ну что ты лапшичку-то на ушки вешаешь, Аркашка, что никогда не видел? Тебе тут каждый второй большой показывает - гебешным членством бахвалится.

А р к а д и й. А я не спрашивал показать. Вот три года уже отслужил, а не спрашивал. Сапожник без сапог.

Ф е л и к с. Ах ты, сапожник без сапог, - мой ты лапотник. Ты ж проверить, моя радость, хочешь - точно я гебист или блефую.

А р к а д и й. Да, Эдмундóвич, проверить хочу. В середку бьешь - в десяточку.

Ф е л и к с. Почерк большого гебешного виртуоза в тебе усматриваю, моя ты десяточка. Посмотри мою книжечку, Аркашка, - Фомка ты неверующий. *(Достаёт из кармана «краснокожее» удостоверение КГБ и показывает его Аркадию.)*

А р к а д и й. *(Читает.)* «Выдано капитану Феликсу Феликсовичу Поливайлову». Печать, фотография. Похож! Простите великодушно, товарищ капитан, что чуток сумлевался. Хорошенькая такая книжечка - маленькая такая, удобненькая.

Ф е л и к с. Охуительно удобненькая книжечка, Аркашка. У фарцы-книжника хуй купишь.

А р к а д и й. А у тебя звание приличное - молодец, поздравляю.

Ф е л и к с. Для моих лет - самое зашибительское.

А р к а д и й. Ты только меня прости, Феликс Феликсович, - ну я думал тут со мной бумагомаратель какой работает, а ты, оказывается, человек.

Ф е л и к с. Каждый гебешник должен уметь маскироваться. Я тоже вот думал, что тут со мной хохол-воришка щипаченок работает ни на что не способный. Ан вить, способным оказался. Умеешь скрывать способности под дебильной ряшкой.

А р к а д и й. Я очень способный, Феликс Феликсович. Все что прикажете, то и смастачу. Я вам по способностям, а вы мне по потребностям. Так?

Ф е л и к с. Мы хорошо за способности тугрики чеканим - не обидим.

А р к а д и й. Просто рад пренебесно.

Ф е л и к с. Ну а вот, если не забашляем за способности - в дамки человечка антисоветского оформишь?

А р к а д и й. Ну а почему это не забашляете за способности?

Ф е л и к с. Ну как почему? У нас все по убеждению работают. Бабки на втором месте.

А р к а д и й. По какому убеждению?

Ф е л и к с. По коммунистическому убеждению, моська. Ну ты, моська, где родилась, где живешь? Ты что, совсем мудачноконтуженная? Блядь, а не понимаю - ты за кого?

А р к а д и й. Я за КГБ.

Ф е л и к с. Страхуйся на поворотах.

А р к а д и й. Сделаем. А я что, теперь уже точно в КГБ числюсь?

Ф е л и к с. Да, вроде бы да. Ты б хотел?

А р к а д и й. Ну, если вы считаете, что я могу справиться...

Ф е л и к с. Мы считаем, что внушительно можешь справиться, хохля. Платить у нас не забывают. Квартиру дадим.

А р к а д и й. По лимиту?

Ф е л и к с. У нас без лимита квартиры. Это для трудящихся по лимиту. А мы - перетрудившиеся трудящиеся, у нас квартиры без лимита.

А р к а д и й. Я четко в этот параграф врубился, Феликс Феликсович, что мы перетрудившиеся трудящиеся.

Ф е л и к с. Только ты мне все же признайся откровенно, Аркашка: без бабок ты бы стал (*дует*) сдувать на нас дующих трудящихся? По нашему приказу, (*дует*) разумеется.

А р к а д и й. Ну как это (*дует*) без бабок? Чего, совсем что ль, не забашляете? Ну а квартирку без лимита вы мне хоть дадите? Ну ты мне по дружбе скажи, Эдмундович, квартирку вы мне отпишите?

Ф е л и к с. По дружбе в нашей конторе, Аркашка, не разговаривают. Это, блядь, тебе не торговля, где по дружбе картошку, вон, фургонами ты пиздишь, это, блядь, тебе КГБ - солидная организация: все на самоконтроле, самодисциплине, индивидуальной ответственности. По дружбе у нас только пришивают безболезненно - по глотке бритвой. У нас так - если есть у тебя камнестическая совесть - ты у нас сможешь работать, если нет - не сможешь. Так вот ты помозгуй и скажи: ночует у тебя камнестическая совесть или у тебя не ночует камнестическая совесть?

А р к а д и й. Я обмозгованно, Феликс Феликсович, отвечаю: у меня, сука, пардон, камнестическая совестуха с каждым кровяным шариком из постели не вылазит.

Ф е л и к с. Изячно, едрить тебя в целочку.

А р к а д и й. Я вот когда этого рыжего космача причесывал, я, правда, не задумывался над этим; но вот теперь задумываюсь и могу ответственно поручиться, что я его по камнестической совести пригреб, причесунчика, как врага нашей советской действительности.

Ф е л и к с. Златоуст эпический. Чувствуется почерк аса-истребителя. Так и держать штурвальчик.

А р к а д и й. Я смертельный, таранный ас-истребитель, Феликс Эдмундович. Вам со мной, как с асом-истребителем, просто нечеловечески подфартило.

Ф е л и к с. Предполагал интуитивно.

А р к а д и й. А мне звание дадут? Я старшим сержантом из армии дембельнулся. Я у вас со старшего сержанта начну?

Ф е л и к с. Да, с этой позицией у нас пунктуально, Аркашка. И башлей будет прорва, и звания пойдут косяком, и хаты без лимита.

А р к а д и й. Для перетрудившегося.

Ф е л и к с. Верно подмечаешь. Но в том случае, если у тебя действительно есть камнестическая совесть, - всего до хуя будет.

А р к а д и й. Ну докажу делом - за мной не потеряется. А работать я буду еще здесь или меня переведут на новое место? Я согласен.

Ф е л и к с. Да это не проблема, Аркаша. Меня другое все-таки волнует.

А р к а д и й. Что все-таки волнует?

Ф е л и к с. Да что ты, на хуй, все-таки совершенно незнакомого человека просто вот так взял и прихуячил за пять сотен по трусости. Засрал любера афганского.

А р к а д и й. Ну почему я засрал любера афганского? Я все четко по письмишку, по ксиве сделал, которую вы составили, товарищ капитан.

Ф е л и к с. Да, но ведь ты не знал, что малявку тебе КГБ в моем лице составило. Стало быть, ты забздел все-таки любера афганского и прихуячил мальчика рыжего по трусости.

А р к а д и й. Но тогда это ты все-таки виноват, Эдмундóвич, в своем лице, что неправильную малявку от КГБ составил.

Ф е л и к с. Так специально было сделано, чтобы тебя проверить.

А р к а д и й. А я, я считаю, что вы ошиблись, Феликс Феликсович. Вы бы написали прямо, что этого незнакомого человека - суку еврейскую - надо по камнестической совести прихуячить, я бы его и прихуячил по камнестической совести. Ни хуя, не моя принципиальная ошибка все-таки.

Ф е л и к с. Ну то, что ты отстаиваешь упорно свое мнение, Аркаша - это туда, изрядно. Но вот что тебе все-таки абсолютно по хую убить человека по трусости или по камнестической совести - это слабó, хохляндия, хуевато.

А р к а д и й. Не, Эдмундóвич, не прав ты. Видит Бог, - мне все-таки не все равно. По камнестической совести мне прихуячить человека намного не все равно. Ну, падлой буду - не все равно! Это ж, ведь, от всего народа совершаешь пользу-то полезительную!

Ф е л и к с. Видит Бог - твоя мысль на правильном пути, Аркашка. Премного за тебя рад, товарищ старший лейтенант. Камнист.

А р к а д и й. Спасибо за доверие, товарищ старший капитан - за доверие и подаренную радость. И если б вы сразу написали, что эту суку еврейскую надо для КГБ по камнестической совести, стручка, срезать, я бы сразу так и срезал, товарищ старший капитан, стручка - по камнестической совестухе - вот сразу б так жиденочка и срезал.

Ф е л и к с. Ну заебал. Ну даже если мы и ошиблись - у нас и без тебя до хуя дел-то, по горло. Мы же имеем право на ошибку? Развивающегося камнизма в истории человечества до нас не было, мы исторически прем первыми в тот мир - мира и рая. Ну мы же имеем право на малюсенькую ошибочку по отношению к такому пигмеечному начальничку, как ты.

А р к а д и й. А я, я могу иметь право на ошибку?

Ф е л и к с. Ты?

А р к а д и й. Ну как и вы. Я же тоже теперь КГБ. Я же могу иметь право на ошибку, что грохнул жиденка по трусости.

Ф е л и к с. Сознался. Раскаялся. Когда ты его убивал, парень, ты тогда КГБ еще не был. Когда ты его бритвой по глотке препарировал, ты был простым советским хохлом.

А р к а д и й. А в душе я был КГБ, Феликс Феликсович. Здоровьем матери клянусь, что в душе я был КГБ.

Ф е л и к с. Ну ты меня задрючил.

А р к а д и й. Ну а потом ведь каждый советский человек первый раз в этой жизни живет исторически, каждый советский человек должен иметь законное право на ошибочку - хотя бы по конституции.

Ф е л и к с. Ну ты загнул, хуище, теперь в советскую конституцию. Пусти хохла в КГБ. Ведь тогда и этот рыжий советский еврей тоже имел тогда право на ошибку предать нас, вредить нам. И тогда мы ошибочно его приканопыжили - так, что ли, по твоей черной неблагодарной философии получается?

А р к а д и й. Хуй его знает. Хуй его знает!

Ф е л и к с. Ты вот что - кончай матюгаться. Заебал ты меня в доску своим трехэтажным матюгальником.

А р к а д и й. Хуй его знает.

Ф е л и к с. Нет, ты все-таки подумай и скажи - хорошо это получилось, что мы экзекутировали советского человека, который имел право на ошибку нам вредить?

А р к а д и й. Не хочу думать. Не хочу сам думать! *(Плачет.)*

Ф е л и к с. Ну вот это заебись. И слезки твои к месту. Замочно.

А р к а д и й. Заебись? Точно замочно?! Вы меня возьмете к себе?!

Ф е л и к с. Извращенно ты мне нравишься, Аркашка, - хуй просышь. К тому же, мне кажется, что убить человека по трусости - это не ошибка, это твое природное сучье качество, которое, я надеюсь, мы общими усилиями вытравим из твоего очка дрожащего - таким каленым гебистским глиномесным хуем фортыцарем. Я искренне влюблен в тебя, Аркашка.

А р к а д и й. И я в тебя влюблен, Эдмундóвич, тоже искренне. А трусость вытравливайте каленым этим хуем гебистским с моей жопы - сам хочу. А вот ты можешь теперь молоко с пищеблока хоть пятилитровыми банками пиздить - для язвы-то, - я тебе ничего не скажу. Я даже специально с Клавкой ради тебя договарюсь. Клавка ради меня что хошь сделает.

Ф е л и к с. Впер ты, что ль, ей, Клавке-то?

А р к а д и й. Ну впер, до печени. Это хорошо или плохо, что я впер Клавке-то, Эдмундóвич?

Ф е л и к с. Ну что ж, блюбёвь до печени - это хорошо. Блюбёвь до печени - это частное дело каждого советского распиздяя.

А р к а д и й. Во-о. И поэму ты свою строчи до опиздинения. Вот приходи на работу и с самого начала строчи свою поэму.

Ф е л и к с. До опиздинения?

А р к а д и й. До опиздинения. Я тебе слова не скажу. Я даже за тебя могу огнетушители по этажам растаскивать.

Ф е л и к с. Ну спасибо, Аркаша, очень мило с твоей стороны.

А р к а д и й. Только на хуй тебе сдалась эта поэма, Феликс, если ты и без нее КГБ? Отдыхал бы лучше.

Ф е л и к с. Ну ты чукча. Поэма - это прикрытие, крыша разведчика. Ты что, до сих пор этого не просек? Ну бестолковый, право же, мудака.

А р к а д и й. Ну бестолковый мудака, Эдмундóвич, товар фургонами пиздить хуй бы когда изловчился. Не надо наговаривать на меня лишнее, товарищ капитан.

Ф е л и к с. Ну а вот что ты ворюга, в душе ворюга - это опять наговор? Еб твою. Ты вот ответствуй: нужны самой солидной советской организации воры?

А р к а д и й. Знаешь, Эдмундович, я тебе одну умную ответственную мысль рожу.

Ф е л и к с. Ну рожай давай мысль умную ответственную. Не помри при родах-то.

А р к а д и й. Если, блин, сука, воры пользу приносят самой солидной советской организации, то они по горлышко крепко ей необходимы.

Ф е л и к с. Златоуст епический.

А р к а д и й. Ну это мое частное мнение. Но если надо, Феликс Феликсович, если партия, народ меня просит постараться ради нашего большого строительного дела, ну что, ну неужели я не завяжу капусту с морковкой с пищеблока пиздить, если мне за каждую операцию будут пятьсот хрустяшек отстегивать? Ну а с другой-то стороны, Феликс Феликсович, это и не плохой крышей стать может: вор, бля, дешевый картофельный вор, а так - КГБ, офицер погонный.

Ф е л и к с. И все-то ты к деньгам клонишь, Аркашка. Больная у тебя психология.

А р к а д и й. Ну я исправлюсь, Эдмундóвич. Ну хуевым человеком я стал? Стал. Это было очень непросто сдуть этого рыжего - убийцей стать. Но я смог. Вот и хорошим человеком я смогу стать, если понадобится. Непросто - согласен. Но я способен не простые, на мертвые дела, Феликс Феликсович, чую. Каким прикажите, таким и буду.

Ф е л и к с. Да приказы-то в наше время выполнять еще мало, хохляндия. Самому надо что-то соображать, импровизировать. Частная инициатива нужна.

А р к а д и й. Ну я ж тебе говорю, блядь, прости - у меня этой частной инициативы - хоть жопой жри. Я вор, Эдмундóвич. Но я честный вор - как на духу говорю - желаю приносить пользу Комитету Государственной Безопасности.

Ф е л и к с. Ну ладно - это все улаживаемые детали. Ты мне вот что скажи. Ты, когда убивал этого члена, тебе было приятно или тебе не было приятно?

А р к а д и й. Ну хуй его знает. Ну ты мне скажи, что тебе ответить - я то тебе и отвечу.

Ф е л и к с. Да солдат КГБ все сам должен уметь соображать и делать. И в картишки ладно шпилиться, и людей казнить, и баб трахать, и мужиков, и цианистый калий на грудь принять, и водочку. Кстати, это ты весьма презентабельно сотворять умеешь. И изначально, именно благодаря этому твоему циркачеству, у наших людей и возникла мысль о твоей вербовке.

А р к а д и й. Ну так.

Ф е л и к с. Ну так тебе было приятно, когда ты убивал этого жиденка?

А р к а д и й. Ну по дружбе скажи, сука, что тебе надо ответить?! За суку - извиняюсь.

Ф е л и к с. Ну ни хуя ты не врубаешься, Аркашка. Бьюсь я с тобой, бьюсь - дружеских отношений в нашей гебешной конторе отродясь не существовало. Это ж ведь азбука, хохля.

А р к а д и й. Короче так, товарищ капитан, если я вам спонадобился, берите, на хуй, на должность. Если не подхожу, разойдемся красиво, как в море корабли. Я, блядь, и в народном хозяйстве себе что надо, то и добуду.

Ф е л и к с. Ну ты-то добудешь воровской-то своей способностью истребительской - я в этом не сомневаюсь. Допустим. Хорошо. Но вот ты теперь знаешь, что убил человека по нашему заданию. А кто лишнее про нас знает, на того иногда приходится звать гебешного любера, и, как сам понимаешь, по камнестическому убеждению он тебя (*дует*) сдует очень профессионально. Ты понимаешь, что с тобой вдруг сможет сполучиться, Аркашка? Вот это я тебе сказал искренне и по дружбе.

А р к а д и й. Я, значит, теперь на мушке. Так, что ли?

Ф е л и к с. Да кто его знает - не я все решаю.

А р к а д и й. Ну ты меня сведи с теми, кто все решает. Да я сам вон в приемную КГБ пойду и попрошусь к твоему главному.

Ф е л и к с. Это будет твоей самой грубой ошибкой, хохляндия. Ну пойдешь ты, дура, туда, ну расскажешь, что убил рыжего еврейчика. А я скажу, что не я писал тебе ксиву. Я работаю индивидуально, чрезвычайно секретно. Мне приказано сгруппировать группу - я ее и группирую, исходя из своего понимания сверхзадачи. Ты врубаешься хоть немножко?

А р к а д и й. Множко даже врубаюсь. А приятно было, когда убивал! Ха.

Ф е л и к с. Ха. Ну тогда мне важно знать абсолютно точно: а) ты с удовольствием убивал этом еврейчика из-за того, что за его голову получил лавы; б) ты забдел афганского любера; или с) ты забыл про копейки, про любера и получал приятственность только от того, что просто ласкательно вспарывал этому рыжанькому жиденочку глотку. Искренне отвечай, хохля - только искренность тебя спасти может.

А р к а д и й. Ну вообще-то я бздел любера и о копейках думал, но, но когда я ласкательно вспарывал этой рыжей, конопатой, плюгавой, жидовской морде глотку, я про все забыл. Цээ!!! Мама! Про все забыл. Это хорошо или плохо?!

Ф е л и к с. Ты получал кайф, когда убивал?! Искренне, Аркаша!!!

А р к а д и й. Ну просто горний, приятственный кайф получал, когда убивал!!! Это хорошо или плохо?! (*Плачет.*)

Ф е л и к с. Да это несказанно хорошо, Аркашка. И слезинки твои безгрешные, детские слезинки - удивительно туда. Цель коммудизма: а) испытывать простодушное желание убить ближнего; б) когда убиваешь - испытывать приятнейший восторг, кайф; с) подмыться очистительными, раскаятельными слезинками; а опосля д) это четко и ясно постичь цель и смысл судьбы своей камнестической.

А р к а д и й. Работать в КГБ лучше - е).

Ф е л и к с. Туда подмечаешь, - туда, Аркашка, - е). Ебать тебя не кому.

А р к а д и й. Но так вить можно и всех срезать. Я неправильно понимаю - прости.

Ф е л и к с. Прощаю. Ну можно и всех - что такого. Нацию надо от дерьма прочистить. Вон как волки - они только больных и хилых в стадах парнокопытных срезают. Здоровые и сильные парнокопытные остаются.

А р к а д и й. Ну такая петрушка мне нравится.

Ф е л и к с. Оздоровляющая петрушка.

А р к а д и й. Ну надо чтобы члены КГБ остались, а всех остальных носастых кучеряшек можно и в печурку - в золу на удобрения. Главное, чтоб не всех, конечно, петрушек перемясорубить - чтоб пушечное мяско парнокопытное осталось. А то же

тогда американцы, суки, на нашу съедобную территорию без нейтронных бомб перескочат - на нашей территории США станет. А я понимаю, что главная цель КГБ - это против того, чтобы на нашу ниву США перескочило, в натуре.

Ф е л и к с. Самое главное, Аркашка, чтобы самому в петрушки не угодить. В натуре. За нас держись - поможем туда.

А р к а д и й. Спасибо. Знаешь, Эдмундович, я себя сейчас так приятно чувствую. Раньше меня все что-то угнетало, а сейчас просто просветление - жутко туда. Укокал просто петрушку семитскую.

Ф е л и к с. Камнизм благочарующий в душе, слушай.

А р к а д и й. Да, смертельнейший камнизм, а? Чувствительно, душевно ты выражаешься, Эдмундóвич.

Ф е л и к с. Камнизм - наука, на хер. Супротив науки не попрешь.

А р к а д и й. Раньше я ни хуя науку не уважал. Теперь, блядь, преклоняюсь покорительно.

Ф е л и к с. Науку уважать, Аркашка, надо. Особенно в нашей научной стране. Когда каждый неуч ученый наученно аксимирует, что его в любой момент, в любой неизвестной свободной точке неизвестно за что могут наученно сцапать за жопу, посадить в тюрьму, где блатари еще своим научным трудом судить будут, в срaku обгулить по-научному. Оденут вот колготки капроновые, поставят петушком-козленочком у стеночки и весь-то барак кобелиный сперму венерическую, спидовую в твоё очко и заскладирует, да промеж зубов до желудочка, до печеночки. Попинают потом ножками, на табуреточку побросают, да и удавят шнурочком для завершения сладострастносадистического акта научного. И ты уже никогда не сможешь отомстить никому и поэтому ты наученно мстишь заранее. Я вот - всю свою пожитуху живу и не понимаю, почему это меня до сих пор не упрятали в каталажку, не одели капроновых колготок, в жопу хором Пятницкого не обгуляли, шнурочком не удавили. Да или просто - не сочли за петрушку евреечную перепродажную, да и по горлу бритвочкой в подъезде по теореме Пифа-Пафа не приголубили.

А р к а д и й. Повезло. Счастливый. Как и я тоже. А, слушай, нам-то можно так вот здесь с тобой такие научные разговоры калякать? Нас никто на кассету не пишет?

Ф е л и к с. Да мне уже давно без кассет доверяют, мальчик с пальчик.

А р к а д и й. Ну так значит ты берешь меня к себе, Эдмундóвич? Бери - не пожалеешь, не сумлевайся в моих душевнораздирающих качествах. Я такой сейчас, падла-сука, научный камнизм охуительный в душе ощущительно постигаю. Ты просто ни хуя не представляешь, как я сейчас Карла Маркса и Ленина люблю, блядь, ценю, сука, и уважаю, на хуй.

Ф е л и к с. А Энгельса чего ты, блядь, забыл? Коммудист.

А р к а д и й. Да не хуя я Энгельса не забыл, Эдмундович. Ну у них был свой коммудизм...

Ф е л и к с. *(Прерывает.)* Что?

А р к а д и й. Камнизм научный. У нас, блядь, свой. Чего нам с ими делить? Я правильно понимаю оперативную задачу?

Ф е л и к с. Ну а то, что Карл Маркс, основоположник научного коммудизма, был евреем - как ты такое противоречие объясняешь, ебёнать?

А р к а д и й. Ну - диалектически, Феликс, диалектически и материалистически.

Ф е л и к с. Блядь, - научное мышление, сука.

А р к а д и й. Так берешь в свою бригаду камнестического напряжения?

Ф е л и к с. Да, в принципе, ты мне подходишь. А, скажи-ка, ты, мыслитель, раньше ты встречал антинаучных гнид в своей жизни?

А р к а д и й. Да на каждом шагу - как тараканов, блядь, нерезанных, Феликс.

Ф е л и к с. Ну а почему тогда, Аркаша, ты их, мягко выражаясь, оставлял в живых, оставлял их продолжать вести антинаучную тараканью пожитуху?

А р к а д и й. Не, ну, Феликсяш, ну я многих хотел к ногтю, на хуй, своей частной инициативой, сука. Ну вот тебя, например. Ну когда я еще не знал, что ты научный чувак - до нашего этого серьезного научного разговора. Ну не только тебя в дамки хотелось-то и хочется. Да всех этих антинаучных разьеб-интеллигентов я бы давно истер, сука. Насчет тебя - пардон, конечно. Теперь, когда я узнал, что ты научное КГБ, научно обо мне шефствуешься, я тебя, Феликсяша, охуительно научно люблю, на хуй.

Ф е л и к с. Это хуевато, хохляндия, что ты раньше самостоятельно не пришел антинаучного какого-нибудь хуеплета. Хуевато.

А р к а д и й. Хуевато, что я тебя не пришел, тебе это хуевато?

Ф е л и к с. Хуй его знает.

А р к а д и й. Ну я хотел, повторяю, но я не мог сам научно организовать. Понял? Бери к себе в КГБ, организовывай научно, тогда и спрашивай за работу.

Ф е л и к с. Аркашка, ебать тебя некому. Ну какое я, к ебням, КГБ - я ж пожарником здесь карячусь, вшивею, блядь, за столы. Ну неужели, если б я был КГБ, я огнетушители здесь по этажам растаскивал, курильщиков по лестницам гонял, молоко, сухофрукты с пищеблока пиздил, с тобой вот нервы истаскивал? Неужели я так бы убывался даже в качестве прикрытия, если б я был научным КГБ? Ни хуя ты шуток, жёнѳва, не понимаешь, а еще хохол называешься. Я простой советский графоман, Аркаша, который бздит, что его за тунеядство посадят, если он не будет работать хотя бы пожарником. Графоман, которого ни хуя не печатают, после смерти что разве - как всех великих. Нет пророка в своем отечестве. Закон Земли, ебѳнать, научный. А Россия в лидерах!

А р к а д и й. Чиво?

Ф е л и к с. Хуй через плечо - работать надо.

А р к а д и й. А чиво ты мне тогда это все пиздел? И не только пиздел, падлюка.

Ф е л и к с. Ну ты ж просил, ебѳнать, объяснить тебе, хохлу народному, что такое искусство - вот я и попытался объяснить как можно популярнее, чтобы ты, хохол народный, не был в обиде, что с тобой интеллигент советско-еврейско-русскопятнадцатиреспубличный не сношается, у которого минута каждая - Нобелевская премия за опись страданий твоих раскучевряженных.

А р к а д и й. Ну а письмо, ксива твоя тогда как же, а эта сука рыжая, кучеряшка жидовская носастая, тогда как же?! А то, как ты все про КГБ так хорошо знаешь, а книжечка твоя гебешная удобненькая, тогда как же?! Дай сюда твою книжечку!

Ф е л и к с. Без паники, Аркаша. Ну батина книжечка. *(Дает Аркадию удостоверение КГБ.)* Это батя у меня генерал КГБ, а я просто его сынуля - Распиздѳй Распиздѳевич. Год-то пятьдесят восьмой под печатью. Батя у меня тогда капитаном еще был. Рожами мы с батяней похожи. Вот ты с батяней своим похож рожей или ты ни хуя с батяней своим не похож рожей?

А р к а д и й. Охуительно я с батяней своим похож рожей!

Ф е л и к с. А мужики в нашем роду все Феликсы - и деды, и отцы, и сыновья вот. А внимательно надо удостоверение просматривать. На посту ж, еб твою, стоишь государственном - секретном посту. А такую промашку сморозил с пятьдесят восьмым-то годом, еб твою мать!

А р к а д и й. Сморозил. Виноват. Мне бы такого батяню - я бы ни хуя не был распиздяй распиздяевичем. *(Отдает Феликсу удостоверение КГБ.)*

Ф е л и к с. Каждому свое. Богу - Богово, распиздюю - распиздюйство, а хохлу - что осталось, на хуй. Да не серь, изрядно осталось, взять только уметь надо.

А р к а д и й. Сучняра, блядь! Ну ты и сучняра! Почему ты кровью руки мои чистые облил, сучняра?!

Ф е л и к с. Отец мне по секрету сказал, что рыжий гебистам проданся и нас - двух друзей своего детства - продал, что мы антисоветские книжки печатали. Меня отец не дал в обиду. Ну а третий наш друг Кеша с собой покончил, когда ему пять лет строгача дали. Кеше мой отец помочь уже не успел. А рыжий был нам другом. Я не мог своими руками друга, понимаешь? Хотя и бывшего. Ну а параллельно надо было научную идею в жизни проверить: как она, жажда-то, живуча в народе к препарированию глоток человеческих. В эксперименте научном участвовал, а еще не доволен.

А р к а д и й. Что я тебе, блядь, сделал, сучняра?

Ф е л и к с. Мой милый, что ты сделал мне?

Мой милый, что тебе я сделала?

А р к а д и й. Чиво?

Ф е л и к с. Цветаева написала. Знаешь такую поэтессу?

А р к а д и й. Я тебя, мудака-поэта, знаю - пятнадцатиреспубличного. Этого мне до хуя как достаточно для самообразования.

Ф е л и к с. Ты, парень, на себя должен бочку двигать, что ты такую вот муму сморозил - убил человека. Мне действительно откровенно грустно, что ты это сделал, что не хватило в тебе силы человеческой удержаться, не перейти грань. Мне опизденительно за тебя грустно, мой мальчик. И что в КГБ хочешь с потрохами продаться - тоже, блядь, грустно. К сведению - эта дружка наша рыжая продажная, тобою убиенная, русской национальности. Стопроцентный русак, как и я, собственно.

А р к а д и й. Да ладно, знаю я вас таких блондастых евреев русастых. Я ваш душок подлянский за километры чую, на хуй.

Ф е л и к с. Ну а что сам-то, Змей Горыныч, не еврей - уверен? Может, тебя еврейская мать родила да и подбросила в семью хохляндскую, когда ей другие хохлы жить не дали. Самые антисемиты матерые - еврейской национальности. А имя твое Аркаша - самое что ни на есть еврейское имечко.

А р к а д и й. Меня моя русская мать родила. Понял? А что Аркадием окрестили - так то в честь погибшего на войне брата батяниного, русского по национальности.

Ф е л и к с. В коммунистическом обществе, хохол, все мы евреи. Мой папа Маркс, а мать моя Иоська. Нации людей на мудаков делят, и людям это нравится.

А р к а д и й. Да кто б ты ни был, Феликсяшка, я бы тебя сейчас с преобладающим удовольствием к твоему другу спровадил.

Ф е л и к с. Ну а кто, хохломундия, у тебя тогда птичку затоварит за четвертной-то лист?

А р к а д и й. А я ее на волю выпущу, птичку-то.

Ф е л и к с. Достойный поступок. Только твой кенарь-то на воле порхать сам не сможет. С детства его в клетке воспитывали - у него все мировоззрение решетчатое. На воле он гусенички махонькой-то испугается. Его в клеточке надо оставить, Аркаша, казенные зернышки поклевывать. А то ж трухнет он гусенички, как хозяин его любера, в гебешные, гусеничные кенаря заподастся, да и начнет через форточки по квартиркам-то пошныривать, где его клеточные сородичи прозябают, и

зашвыривать им в кормушки ядовитые, отравленные зернышки. Боятся гебешные гусенички птичек - даже в клетках боятся.

А р к а д и й. Красиво, сука, поливаешь, писатель. А сам-то ты теперь не трухаешь меня всезнающего, раз перешагнувшего? А где раз, там и много раз, сука.

Ф е л и к с. Да многих потом это уже скучно, Аркашка. Самое заебистое - это когда первый раз режешь. Может, у тебя это будет по-другому. Не знаю. Попробуй, сука, попробуй.

А р к а д и й. Падляра ты! Я не представляю, как такой падлярой стать можно. Падла. Воспитывали тебя родители.

Ф е л и к с. Ненавижу я своих родителей.

А р к а д и й. Ну я бы, блядь, тоже ненавидел своих родителей за такое воспитание. Они у тебя случайно не оба-то кагебисты?

Ф е л и к с. В точку попал, Аркашка.

А р к а д и й. Блядь, тебе и повезло, друг. Ну а чем они конкретно занимались-то? В КГБ много профессий. Людей, на хуй, грохали?

Ф е л и к с. Отец за кордоном людей грохал; мать здесь, в Москве, у дипломатов в постелях тайны выебывала.

А р к а д и й. Ни хуя себе. Откровенно тебе, брат, и подвезло с родичами.

Ф е л и к с. А я вот, на хуй, распиздяй распиздяевич. Всю жизнь антисоветскую литературу ксерокопирую, да спекулирую. А пишу вообще хуй знает что. Нет определения в этом ебаном литературоведении. Поэма. Библия современная, сука, про Иова да Христа расейских. Что там дальше за Христом, знаешь?

А р к а д и й. Ни хуя не знаю.

Ф е л и к с. Рассея-мать, - ебать тебя некому. Сына министра какого давно б уж под сибирский душ спровадили закаляться. А генералу КГБ, который всю жизнь за кордоном людей шпокал, хуй кто слово сказать посмеет за сынишку гордого - что хочу, то и ворочу. С фирмой валютной повязан. СП. Совместное предприятие или союз педерастов - в том смысле, кто кого быстрее выебет. С тобой я еще галантерейно поступил, Аркашка. Разве так уж плохо убить продажную гниду?

А р к а д и й. Я его не как гниду убивал. Как человека. Как трус. А ты бы как поступил на моем месте?

Ф е л и к с. Как ты. К сожаленью ли, к счастью. Себе ксиву калякал, а конверт тебе бросил. Себе б хуевую малявку состряпал, с тобой бы не сработало. Живем под одним серпом и молотом - души подравнялись.

А р к а д и й. Жениться тебе надо было, Феликс, детей иметь - может, тогда такой хуйней не занимался бы.

Ф е л и к с. В этой оградке детей рожать, чтоб им также плохо было? Мой хуй в пизду за это не воткнется, Аркашка.

А р к а д и й. Мой воткнулся, у мозгов как-то не консультировался, не знаю.

Ф е л и к с. Так это ж счастье, мальчик, когда хуй отдельно от мозгов жизнь-то сотворяет!

А р к а д и й. Ну тебе надо было жениться попробовать. Твой хуй, может, тоже по своей дороге пошел бы.

Ф е л и к с. На лярве, как моя мать, жениться?

А р к а д и й. Да нет - по любви.

Ф е л и к с. Любовь я свою убил, Аркашка.

А р к а д и й. Как это ты убил свою любовь, Феликс?

Ф е л и к с. Изячно.

А р к а д и й. Что? Ну расскажи.

Ф е л и к с. Этого я никому не рассказываю.

А р к а д и й. Ну мне-то расскажи.

Ф е л и к с. А почему для тебя я должен делать исключение?

А р к а д и й. Для меня ты уже сделал одно исключение. Ну расскажи. Может, полегче станет. Мне.

Пауза.

Ф е л и к с. Имеющий уши - пусть слышит. Задание я такое выполнял. Надо было за кордоном влюбиться в одну девочку евреечку. Жениться на ней. Отец у этой девочки, эмигрант наш политический, приносил большой вред нашей Совдепии. Мне двадцать пять лет было. Только МВТУ кончил. А с КГБ на втором курсе в ладошки играл. Разведчик, романтика, ебенать. Фильмы наши про разведчиков видел?

А р к а д и й. Ну-ну.

Ф е л и к с. Ни хуя общего с тем, что делать надо. Член-то мой на прочность, чтоб проебать эту евреечку, две недели проверяли различными способами. Тянешь телку, а за шторкой человек считает, сколько я ей палок кинул. Двенадцать за ночь. Три первых - не вынимая.

А р к а д и й. Гигант.

Ф е л и к с. Забросили меня в Лондон через третью страну. С евреечкой свели в ресторане. Ей двадцать лет было. Катрин. Да вот ее фотокарточка. *(Показывает Аркадию фотокарточку.)*

А р к а д и й. Красивая. Сразу видно, не наша.

Ф е л и к с. Чисто, суки, в ресторане сработали. В Кембридже она училась. И я попал в Кембридж на стажировку. А в банке у меня миллионы наследные. Чисто. А по-английски квакать мать меня еще с детства натаскивала. Спецшкола по ее настоянию. Будто в воду глядела, как мне это все пригодится. Влюбилась в меня Катрин, безумно влюбилась. Вопросов никаких не задавала - просто любила и все. А на каникулах повезла меня в одну приграничную страну азиатскую к отцу на виллу - знакомить. И в первую же ночь, на хуй, я их всех там, божьих одуванчиков, и приголубил - ножом беззвучно. Восемь человек там на вилле было - всех ножом по глотке, чтобы никаких свидетелей. Понимаешь? И ее - свою любовь - тоже. Ее последнюю. В сердце ее. Она даже и не проснулась. Она даже и не знает, что это я ее. Во сне умерла. Счастливая. Любил ее Бог. Свидетельствую - любил. А потом я через границу ушел той же ночью. Шестьдесят километров за ночь ногами прохуячил. На нашей зоне меня встречали. До минут операция была расписана. Мне звание сразу до капитана подняли. Вот так и пришлось восемь человек из-за одного врага народа приканать. Его жену, стариков, мою любимую и то, что у нее в животике начинало шевелиться - мое что-то!!! *(Плачет.)*

А р к а д и й. Ну успокойся, Феликс, успокойся, Феликс.

Ф е л и к с. Спокоен, на хуй, солдат Родины. Спокоен, Аркашка. А сейчас читаю вот в газетах - ее отец реабилитирован посмертно. А что его КГБ, лично я прирезал, не пишут. А пишут, что его цэрэушники свои же кончили. Вчера годовщина была как раз той ночи петуха красного. И отметил вот я этот день знаменательный тем, что этого гебиста начинающего чужими руками приделал - их школа. Злом зла не одолеешь - с Толстым согласен. Но жизнь эта наша советская все законы человеческие порушила и похерила. Так что. *(Пауза.)* И поэму я пишу о том, как Катрин помогла мне своей любовью сучье задание советское исполнить, за которое я капитана хапнул; о том, какой мудака я был, что с ней там не остался. Жажда

подвига?! Любовь к этой пересоленной советской Рассее?! Идеология с детства в мозгах, в душе, в хуе?! Почему так? Почему в таком мазохизме все так?! КГБ я тогда застал - как ты сейчас любера. А любовь настоящая - штука такая - с годами не проходит, а усиливается.

А р к а д и й. Как я тебя понимаю, Феликс. Я так тебя понимаю. Как там за кордоном, жизнь, небось красивая?

Ф е л и к с. Красивая. А в Россию все равно хочется. Хотя бы умереть. На своей земле. В своем дерьме.

А р к а д и й. Да. А, Феликс, скажи, ты там чернявенькую за бугром не пробовал? Ну между делом. Было ж, наверно, время-то. Там на улице они стоят. Часочек - и по всей программе - и свободен. Ну можешь не отвечать. Я понимаю. Такая любовь трагическая. Просто у меня мечта такая - чернявенькую попробовать. Те, говорят, подмахивают, как в джазе поют.

Ф е л и к с. Тебе про любовь, а ты про гвоздь у негра в жопе.

А р к а д и й. Ну прости, Феликс. Я же сказал - ты можешь не отвечать. Я понимаю - такая биография. Не каждому испытать обломится, на хуй. Ну а дальше что, - есть продолжение?

Ф е л и к с. Дальше. Дальше я перестал спать днем и ночью. Попал в больницу - эту больницу, и вскрыл себе вены в ванной.

А р к а д и й. Что? Когда? Что ты опять хуйню-то заливаешь?

Ф е л и к с. Еще до того, как моя жена умерла от сифилиса, но после уже как сын мой после МВТУ в писатели подался. Только ему, родному, я во всем исповедовался. Произвели мои рассказы устные на него впечатление и он пошел в писатели. Вохром сначала работал, теперь вот пожарником больничным, чтоб иметь время свободное, с народом общение. В его смену, ночью, вены-то я себе. Так оно приятственней, когда родная твоя кровинушка тебя до дуборезки катит, да своими ручонками теплыми в холодильник закладывает. Спасибо, что простил меня мой сынишка перед смертью. А я его судьбу писательскую проклял - да так и не простил его за это желание быть писателем.

А р к а д и й. Ты, еб твою, Шекспир. Это твой отец был тогда в ту смену - тот генерал с венами?

Ф е л и к с. Отец.

А р к а д и й. А почему фамилия у него была не Поливайлов? Я помню.

Ф е л и к с. Да потому, что профессия, еб твою мать, такая, специальность - всю жизнь людей резать под чужими фамилиями.

А р к а д и й. Я помню - ты очень плохим был в ту ночь, Эдмундóвич, очень плохим. А в следующую смену ты отгул взял. А никому не сказал, что отца хоронишь, что отец твой тогда здесь был с венами.

Ф е л и к с. Так это только мое дело, Аркашка. Мое и Бога.

А р к а д и й. Про все это ты поэму свою пишешь?

Ф е л и к с. Про все.

А р к а д и й. Я бы напечатал твою поэму, Феликс, дочурками клянусь - напечатал бы.

Ф е л и к с. За это, брат, спасибо.

А р к а д и й. Да нет, мощный сюжетик, жизненный. Когда писатель про все свое пишет, оно верное искусство получается, без наклепа. А про меня, про всю эту хуйню, что ты со мной сделал, тоже напишешь?

Ф е л и к с. Да написал давно, хохол, теорию. Сейчас этап, блядь, был практический.

А р к а д и й. Мастачно, сука, работаешь.

Ф е л и к с. Мастачно.

А р к а д и й. Ну а хочешь, я тебе сам один сюжетик жизненный, очень, ты знаешь, такой теоретический подарю? Может, какой отдельной главой в поэмку вставишь, ну коли и про меня пишешь.

Ф е л и к с. Валяй сюжетик жизненный - войдешь в литературу.

А р к а д и й. Это когда я в Куйбышеве фургоны гонял. Там же у нас как работа происходит. Гонишь фургон по трассе, ну а где-нибудь на обочине обязательно стоит девушка - голосует. Ну это она для видухи голосует - ей поблюбиться хотца - шалашовки дорожные.

Ф е л и к с. Слышал.

А р к а д и й. Ну вот. Ехал я как-то раз. Вижу, стоит на обочине деваха - голосует. Миленькая, молоденькая такая целочка. Ну я ее подобрал. Разговорились. Пятнадцать лет ей, сказала, восьмой класс. Ну тормознулись. Пикник сделали. Поцеловались. Грудя ее молочные проанализировал. Ну и вроде-то рукой-то к ней в трусы полез. И уже пальцами целочку-то ее, уже волосатенькую-то, нащупал. И тут меня точно бревном по голове пронзило. Да ведь девочка она нецелованная, первый раз на дорогу вышла. Я первый бычара, с которого она начать решилась, - так вышло. И я вытащил руку-то из трусов ее. И веришь - не стал я чистоту трогать, Феликс. Отпустил с Богом девочку. Я ей так сказал: кто тебя полюбит и кого ты полюбишь, с тем и блюбись, дорогая. А хуй, еб твою, ломом стоял, блядь, железным. Погодя-то я хуй отдрочил, конечно, в кабине. Спермы, сука, со стакан граненый вышло. Ну это она мне, правда, целочка, отдрочила. Попросил я ее вежливо. Первый раз в ручонках хуй держала, сука. Ну ручонками не страшно. Это не в пизду ебать. Бля, никогда столько спермы за один раз не выходило, сука. А целочку ее молочную с Богом отпустил. Веришь?

Ф е л и к с. Жалко, что никто не стоял рядом и не мерил, сколько спермы тогда из тебя вышло - в книгу рекордов Гиннеса попасть бы смог. Да и для гебешников хуй твой ломовой - находка.

А р к а д и й. Тебе, как человеку, душу свою открываешь.

Ф е л и к с. Да не серчай, хохляндия. Спасибо за сюжетик. Да больно прост он для поэмы.

А р к а д и й. Хочешь посложнее?

Ф е л и к с. Валяй.

А р к а д и й. Ну напиши тогда так - что я оставил сначала эту целочку молочную на дороге, а потом вернулся, выебал, изнасиловал, бутылку ей в жопу, суке, всадил для смаку садистического, травы в рот, земли напхал, да и оставил ее, блядь, под кустом подыхать! А хуй-ли, блядь - решила блядством заниматься, я ей и представил, шалаве, чем это все баловство кончается. Не я - другой бы так с ней покончил. Напиши так. Немножко получше сюжетик для твоей поэмки?

Ф е л и к с. Да, можно главу состряпать. Так оно на самом деле было?

А р к а д и й. Что было, то сплыло. Я тебе сюжетик предлагаю, а как было, на хуй, одному Богу известно.

Ф е л и к с. Стало быть, ты, хохол, еще и целошник мокрушный. Друзья мы с тобой по любви несчастной - любёвники, может статья. Только ты вот семьей потом обзавелся, а я не смог перешагнуть.

А р к а д и й. У тебя искусство зато есть, куда ты свою гниль сливаешь. Слей мою гниль в свою поэмку-то - гениальная поэмка состряпается. Тугриков заработаешь - всех баб в Совке перебебешь.

Ф е л и к с. На гениальных поэмках, хохол, тугриков не зарабатывают. Уж моя-то поэмка куда гениальная - хуй пропечатаешь.

А р к а д и й. В искусстве, чтобы пробиться, надо гомиком быть, евреем или к масонской ложе принадлежать. Я знаю. Ты говорил.

Ф е л и к с. Ну вот гомик я, ну еврей, ну членюсь в масонской ложе. Цензура, Аркаша, гебешная, сука-подлянка, холодное животное, костыли ломает, яйца бьет - ей по хую твоё гомоевромасонство. ЦРУ разве только мою поэму купит.

А р к а д и й. Ну продай ЦРУ.

Ф е л и к с. Да уж продал.

А р к а д и й. Продал? Пиздишь, блядь.

Ф е л и к с. А долго-ли умеючи? И поэму продал, и сам, в пизду, продался.

А р к а д и й. Сука. Молодец, - толково. Ты не ссы, Феликс, я тебя не сдам гебистам. После всего того, что ты мне тут рассказал, я тебя не продам гебистам. Я зауважал, Эдмундóвич, твою душу прокаленную. А там какой валютой в ЦРУ платят?

Ф е л и к с. Долларами, на хуй.

А р к а д и й. Толково. А доллар сейчас один к пятнадцати идет?

Ф е л и к с. Один к двадцати.

А р к а д и й. Блядь, толково, сука. Хуй ли на наши фантики сейчас купишь-то? Толково.

Ф е л и к с. Хочешь в ЦРУ работать? Могу, на хуй, устроить по блату.

А р к а д и й. Да ладно, спасибо, на хуй. В КГБ ты меня уже устраивал по блату.

Ф е л и к с. Дело хозяйское.

А р к а д и й. А ЦРУ тебе или твоему батяне тоже документик какой выдало удобненький, что вы на них работаете?

Ф е л и к с. А достаешь ты своей бюрократически-канцелярской оскорбительностью, хохляндия. Тебе не кажется? Если ты в Союзе на ЦРУ работаешь, ЦРУ тебе документиков удобненьких не выдает. И доллары тебе на руки не дают - все в швейцарский банк идет. Все-то ты, хохол советский, документикам веришь. Ты че, мозгов моих уникальных еврейских не чувствуешь, которых даже член мой слушается. Долларов сраных мои мозги, что ль, не стоят?

А р к а д и й. Да я бы платил, на хуй.

Ф е л и к с. Еб твою мать. Если хочешь в ЦРУ работать, должен знать, что на западе такой принцип - верить честному человеческому слову.

А р к а д и й. Ну такой принцип мне толково - подходит.

Ф е л и к с. Ты, хохол, сам прикинь своими хохлямундскими мозгишками: для кого я, еврей, масон, гомик, стал бы писать ночами эту губящую здоровье, рисковую для жизни антигебешную поэму?

А р к а д и й. Ну для ЦРУ, разумеется.

Ф е л и к с. Кто меня членом масонской ложи сделал, по чьему заданию я в этой ебаной гебешной клинике пожарником ишачу?

А р к а д и й. По цэрэушному, естественно.

Ф е л и к с. Хохол, ебать тебя, не переебать. Жалко, что ты кальки секретные доставать не умеешь, а то бы я тебя сразу в ЦРУ устроил. Хули ты образования не получил высшего технического, чукча? Устроили бы сейчас тебя в секретное НИИ. Знаешь, какие башли заколачивал бы долларами! Вот хуй ли ты не умеешь доставать секретные кальки?!!!

А р к а д и й. Да вот как-то не увразумили меня мои родичи получить высшее техническое для секретных калек, на хуй!

Ф е л и к с. Не увразумили. Сам виноват. Все ему няньки нужны.

А р к а д и й. Но ты ведь тоже в секретном НИИ по калькам не работаешь, а хотя МВТУ кончил. Мы с тобой здесь в этой гебешной ложе на почти равнозначной технической должности числимся. Я по воротам специалист, ты - по огнетушителям углекислотным. Я даже член пожарной бригады, как ты, мне за это три дня к отпуску прибавляют.

Ф е л и к с. Я и мекаю, какую тебе здесь операцию повернуть, хохляндия.

А р к а д и й. Ну давай я, на хуй, эту больницу подлянскую, к ебням, подожгу.

Ф е л и к с. Блядь, радикально. Понимаешь, хорошие люди погибнут: врачи, медсестрички стерильные. Больница не виновата.

А р к а д и й. Ну а вот что ты тут по заданию ЦРУ делаешь? Я понимаю, что писать здесь, хоть и антигебешную поэму, для ЦРУ мало.

Ф е л и к с. Ни хуя себе мало. Я душеведчески оперативно проникаю здесь в современные гебистские души и литературно, художественно их обрисовываю. Я ж, блядь, психолог-то скальпельный, еб твою мать.

А р к а д и й. Я тоже так хочу.

Ф е л и к с. Ну, блядь, Аркаш, ты ж ведь не писатель, не медвежатник душ-то человеческих. Хотеть не запрещается.

А р к а д и й. Блядь. Ну а тогда что я могу здесь делать? У тебя есть насчет меня какая завалющаяся мыслишка-то? Ну ты ж еврей, ну роди мыслишку-то для украинского товарища, ну, пожалуйста.

Ф е л и к с. А ты не торопи, на хуй, украинский товарищ. Всякая мыслишка хорошая естественным ходом должна на свет Божий родиться.

А р к а д и й. Неужели в ЦРУ никакой другой работы нет, как только кальки доставать?

Ф е л и к с. Да работы до хуя разнокалиберной. Посредником можно быть, связистом, стукачом.

А р к а д и й. Блядь, Феликс, я такой стукач, на хуй!

Ф е л и к с. Может, убрать там кого понадобится при случае, гебиста какого блондастого.

А р к а д и й. Во! Я-то уже и щелкнул этого рыжего, носастого!

Ф е л и к с. Еврея?

А р к а д и й. Не еврея, а гебиста - я ж его это, ты там в ЦРУ-то доложи, что это я его утрамбовал. Доложишь?

Ф е л и к с. Теперь понимаешь, на хуй, Аркашка, как я далеко безгранично прозревал-то в отношении твоего трамплинчика-то козырного, сучка ты неблагодарная?

А р к а д и й. Да ну спасибушки тебе за трамплинчик козырной, Эдмундóвич. Ну вижу, что хлопчешь-то. Поклон тебе до земли русской лбом бью. Ну роди ты, Бога ради, что-нибудь еще для меня, еврейское кучеряшечное, - ну, пожалуйста. По гроб жизни лобызать буду.

Ф е л и к с. Ну не торопи ты меня, Аркаша. Ну право же - никакого благородства терпеливого дворянского в твоей холопьеи душонке не наблюдается.

А р к а д и й. Ну прости, Христа ради, Феликс. Ну чуточку-то я смогу обтерпеться? Прости холопа украинского. А ты скажи мне только, холопу украинскому, там в ЦРУ четко платят - без наеба?

Ф е л и к с. В ЦРУ без наеба платят, хохлямундия - охуительно до хуя и четко.

А р к а д и й. Ну а звания там тоже четко дают?

Ф е л и к с. Ну что за вопросы.

А р к а д и й. На ЦРУ я согласен жизнь положить, на хуй. Понял? В пизду, согласен, на хуй.

Ф е л и к с. Но чтобы у нас жизнь положить, в пизду, Аркаша, на хуй, надо быть еще демократичным человеком. Ты вот сам себя считаешь демократичным человеком или ты себя не считаешь демократичным человеком?

А р к а д и й. А это в каком смысле? Что это такое?

Ф е л и к с. Ну вот ты, например, за многопартийную систему или...

А р к а д и й. *(Прерывает.)* Я за многопартийную систему!

Ф е л и к с. Четко отвечаешь. А вот ты, на хуй, за коммунизм или за капитализм?

А р к а д и й. За капитализм.

Ф е л и к с. Ну хуй ли, четко, шельма, соображаешь. Подкован политически. Ну а что в результате борьбы выживет - капитализм или коммунизм? За кем победа?

А р к а д и й. За капитализмом.

Ф е л и к с. Ну а почему?

А р к а д и й. Хуй его знает - жопой чую. Капитализм - это коммунизм без переходного периода - социализма.

Ф е л и к с. Ни хуя себе перднул. Откуда знаешь?

А р к а д и й. Ну я с умным человеком на работе общаюсь или с долбоебом?

Ф е л и к с. Да тебе, великоруссия, и цитатник уже издавать пора.

А р к а д и й. Всему свое время, Феликс Феликсович. Может, в Америке действительно оценят. Была б моя воля, на хуй, я б давно уже все это ебаное Политбюро в Кашенку отправил на перелечение. А потом куда-нибудь в Париж, в клошары, сука, годика на полтора в картонных коробках поночевать на улице. А уж только потом я им власть какую доверил. Ну ведь ебнутое у нас Политбюро, Эдмундóвич - это ж ведь усрать не высрать, под какими хануриками мы в хомуте процветаем. Ведь переусрать же, на хуй: туалетной бумаги нет, чтоб жопу обтереть от сранья, сука, этого социалистического.

Ф е л и к с. Вот так бы, моська, и надо тьявкать почаще.

А р к а д и й. Да уж каждый день сам с собой по тыще раз тьявкаю. Куда уж чаще. А, слушай, если нас гебисты за жопу схватят, это уж наверняка нам вышка. А? Я готов, на хуй, за правое дело!

Ф е л и к с. Тебе вышка. Мне нет.

А р к а д и й. Это почему мне вышка, а тебе нет?

Ф е л и к с. Ну гебисты знают, что я на ЦРУ работаю.

А р к а д и й. Ни хуя себе. А ЦРУ знает, что ты продаешь ЦРУ гебистам?

Ф е л и к с. Все, на хуй, давно все знают.

А р к а д и й. Блядь, в пизду, сука, туши свет. Тебе не позавидуешь.

Ф е л и к с. Все о'кей. Я канал общения между ЦРУ и КГБ. Должны же две солидные организации иметь канал общения. Сейчас какая обстановка в мире? СССР и США друг другу протягивают руки.

А р к а д и й. Ну да. А тебе что и в ЦРУ и в КГБ деньги начисляют?

Ф е л и к с. Ну естественно - по совместительству же ишачу.

А р к а д и й. Те валютой, а эти рублями?

Ф е л и к с. Те валютой, а эти рублями.

А р к а д и й. Ну, сука, так евреи только могут устраиваться. Ни хуя не верю.

Ф е л и к с. Ну это меня как-то меньше всего сношает.

А р к а д и й. Я бы тоже так хотел.

Ф е л и к с. Шустрый, блядь, хохол - ты сразу всего много хочешь, как еврей.

А р к а д и й. Да нет, не сразу, не как еврей, я могу начать со скромной очень должности и задания.

Ф е л и к с. Ну а где ты хочешь начать - в ЦРУ или в КГБ?

А р к а д и й. В ЦРУ.

Ф е л и к с. Быстро ответил - без продуманного лицемерия.

А р к а д и й. Ну что Бог на душу положил, то и ответил.

Ф е л и к с. Хорошо, хохол, очень хорошо. Я вот о чем еще думаю-то. Чтоб в ЦРУ-то работать, оно и евреем быть не мешало бы.

А р к а д и й. Евреем?

Ф е л и к с. Для ЦРУ это гениальный трамплин, хохля.

А р к а д и й. Хуй те на, блядь. Я не похож на еврея? Посмотри внимательно.

Ф е л и к с. А ну-ка встань на свет. Так, в профиль - носяра, вроде, горбатится. И лобяра дубовый - выдающийся.

А р к а д и й. Да, лобярой дверь прошибить могу.

Ф е л и к с. Это не надо.

А р к а д и й. А что надо? Нос у меня от драки перегорбился. Догадаются? Чего, совсем я не похож на еврея? Ну имя-то у меня - Аркаша - самое что ни на есть еврейское имечко. Сам же говорил. А что фамилия у меня русская, так у многих евреев такие дела. Как вот у тебя.

Ф е л и к с. Отвыкай пальцем на других показывать! Ты внутренне чувствуешь, что ты жиденок?

А р к а д и й. Да все нутро мое, блядь, жидовское, ну, Эдмундóвич! Ну ничего в жизни мне так больше не хотелось, как евреем быть! Ну по Марксу ведь живем. Знаешь, как меня мозговые извилины еврейские распирают?! Ну так распирают! Ты им скажи в ЦРУ, что я еврей, а я докажу делом - ты не бойсь. Ну я-то евреев за то ненавижу, что сам вот евреем на свет Божий не уродился. Ну, Эдмундóвич, ну сделай с меня еврея, ну всю жизнь пятки лизать буду! *(Становится на колени.)* Ты им скажи только, что я самый матерый еврей блондастый. Скажешь?

Ф е л и к с. Ну попытаемся помочь, хохлушка. Попытаемся, ты мой коленопреклоненный супостат.

А р к а д и й. Спасибо, Феликсович. Спасибушки, родненький ты мой, Феликсович.

Ф е л и к с. Да не за что, хохля, дело житейское - сочтемся. Ты мне вот что скажи: перепихиваться с мужиками ты можешь?

А р к а д и й. Пи..., пидарасничать?

Ф е л и к с. Пидарасничать.

А р к а д и й. Ну не пробовал. А что, это тоже надо?

Ф е л и к с. Ёкэлэмэнэ - разведчик все должен уметь делать, тем более американский. Ты ж, еврей, хочешь стать ЦРУ - американским разведчиком!

А р к а д и й. Ну, может и попробую, может и смогу пи...пидарасничать.

Ф е л и к с. Да не серь, хохол, это не страшно, это приятно. А чтоб СПИДом не заболеть - гондоны имеются. Вот видишь? *(Достает из кармана пачку презервативов.)*

А р к а д и й. *(Читает.)* Гондонос. По западному написано. Импортные.

Ф е л и к с. Штатовские, на хуй. И масло вон имеется растительное с пищеблока. *(Кивает на бутылку масла, которая стоит на подоконнике.)* Смазанному хую оно проворней двигаться перпетумом мобиле.

А р к а д и й. *(Берет бутылку масла.)* Да, сука, свеженькое масло, подсолнечное. Клавка, на хуй, отлила для яичек, чтоб поджарить.

Ф е л и к с. Поджарим, Аркашка, яички, все поджарим. В воду Клавка глядела - наш человек. У меня и колготки есть еще шелковые, с рисунком сексуальным. Вот. *(Достает из сумки две пары колготок.)* Для тебя и для меня. *(Дает Аркадию одну колготку.)*

А р к а д и й. *(Нюхает колготки.)* Такой запах штатовский.

Ф е л и к с. *(Кладет на плечо Аркадия руку.)* Я одного мальчика знал штатовского, он знаешь, как ебался - коммунизм, на хуй, без переходного периода социализма.

А р к а д и й. Ух ты.

Ф е л и к с. Мечта поэта, твою колбаску. Ты, значит так, раздеваешься. *(Начинает раздеваться.)* Он, естественно, тоже, так, раздевается. Раздевайся, блядь.

Феликс и Аркадий раздеваются. Феликс остается в плавках, Аркадий в семейных трусах. Феликс одевает колготки. Аркадий, глядя на него, делает то же самое, но неумело - колготки натягивает лишь до колен.

Потом ты, значит, ложишься на кушетку. *(Ложится на диван.)* Ну ты тоже ложись, пидар. *(Аркадий ложится рядом с ним.)* И вот он, сука-Шурик, начинает тебя целовать с пальчиков ног - нежненько так нежненько. Потом яйца полижет, промеж ног тоже, жопу полижет - туши свет - белые ночи Сибири, на хуй. Животик потом полижет, грудь, шейку, губы, сука. Хуй, пидар, не трогает. А потом, гребень, опять по животику, да по яйцам язычком своим духарится. Хуй, сука, не трогает! И вот он, подлец, момент ловит, когда ты готов, голубчик-Везувий, к извержению. Чует же пидар-Шурик! Он у тебя уже промеж ног сидит на коленках: ротельник вафлиный открывает, и ты ему по воздуху, на хуй, промеж зубов, сука, очередью пулеметной по дуговой траектории в пасть, в глотку на гланды и аденоиды граненый стакан сперматозоидов выпрыскиваешь! Уааа!!! *(Хватает голову Аркадия, прижимает его лицом к своему паху.)*

А р к а д и й. Аааа! *(Ошарашенно трясет головой.)*

Ф е л и к с. Хорошо? О таком реальном коммунизме ни Карл Маркс с Энгельсом, ни тем более Ленин с Троцким ни хуя и не мечтали. А жопа-то была у Шурика - какая у него была жопа, Аркаша. Да и свой член как в меня пропихнет и нежненько так - нежненько-нежненько, а потом вдруг так резко-резко! Выше этого коммунизма я ничего не имел на этом свете. Ему я и без гондона позволял мне вставлять. Не был он, козлик, заразным, гумозным тубиком. Я-то ведь, какую мыслишку родил насчет работки тебе в ЦРУ на первое время, на срок испытательный - перепихнуться со мной во время ночного дежурства, чтоб мне медитировать было споваднее психопатически, души гебистские в литературу художественную втискивая. А доллары к тебе в швейцарский банк завтра же отправятся!

А р к а д и й. Ну можно это, того - попробовать. Получить удовольствие. Согласен.

Ф е л и к с. Ну тогда можно сейчас и попробовать.

А р к а д и й. Ну можно и сейчас - согласен. А мы это, мое соглашение, договор насчет перепихнуться официально оформим? *(Идет к столу.)* Я слышал, там у них все по контракту оформляется. А?

Ф е л и к с. Ну ты, сука, и крыса канцелярская, хохляндия. Портфельник, ебенать. Запротоколировать ему половой акт - удовольствие, счастье запротоколировать. Это ж, блядь, додуматься надо таким бумажным червем быть, украиндия. А мы, блядь, твоему честному слову доверяем.

А р к а д и й. Ну, конечно, Феликс, ну ты прав, ну червь я бумажный украинский. Ну я сам это понимаю, ну я исправлюсь.

Ф е л и к с. Да уж постарайся, милая. Евреем не родился – пидаром, блядь, стань во благо своей ебучей жизни. Тогда евреев всех и отымеешь, на хуй, в жопу.

А р к а д и й. А слушай, ведь этого рыжего, которого я бритвой, тоже ведь Шуриком звали, Сашутку-то моего.

Ф е л и к с. И моего. Следишь, подмечаешь. За это хвалю. Ну не захотел Сашутка-Шурик на ЦРУ работать - не нужны ему стали доллары. Перестал мне жопу свою показывать. Сказал, что ты с этим хохлом антисемитом в своей смене не ебешься, у него воон какая жопа здоровая и на рожу он какой смазливенький, и телом атлетический, не до конца пропитым. А потом Сашутка что-то вообще психовать стал - мог в психиатричку попасть, в Кащенко. Расколоться. Вот и надо было его туда, на три метра под землю, в гости к Богу, чтоб не было опоздания. Он совсем больным человеком последнее время стал, Аркашка - мог всю операцию испортить. Я надеюсь, у тебя все в порядке с психикой?

А р к а д и й. Да уж психику я не всю пропил, на хуй!

Ф е л и к с. Ну раз Сашутку-Шурика прихуячил-то спокойно - нормальная, значит, психика. Ну иди ко мне, голубок, мой хорошенький. *(Обнимает Аркадия.)*

А р к а д и й. Нет! *(Вырывается.)* Нет.

Ф е л и к с. Ну почему же нет?

А р к а д и й. Ты кто?

Ф е л и к с. Я.

А р к а д и й. Откуда ты?

Ф е л и к с. С жизни, мой мальчик.

А р к а д и й. С тюрьги, на хуй!!

Ф е л и к с. Визитировал. Бежал. По чужому паспорту пять лет как живу. Братишка у меня двойняшка - до чего ж, сука, был душевным человеком. Царство ему голубое небесное. История, на хуй - поэмка, твою в уши. Рассказать?

А р к а д и й. Харэ мне поэм, вша парашная!

Ф е л и к с. В зоне большим успехом мои поэмки пользовались. Романы свои поэтические я за будь здоров блатарям тискал бонзатым. Любили они меня. Не давали в обидушку. Просчитался Шашулька. Вышел я. С жаждой жизни вышел. Ты меня, хохол, не продашь, тебя я мертво в петлю впаял, а дальше еще мертвее будет.

А р к а д и й. А если я распаяю петлю-то бритвочкой? *(Вытаскивает из кармана опасную бритву.)* Пятьсот рублей опять заработаю. А-а?!

Ф е л и к с. Здесь? Мудак украинский. Неисправим. *(Пауза.)* А в подъезде или на улице - кто первый сможет, тому и повезет.

А р к а д и й. Ты сам не сможешь, ты опять кого-нибудь подошлешь с бритвочкой!

Звонит телефон.

Ф е л и к с. Возьми трубку. Возьми трубку!

А р к а д и й. *(Кладет на стол бритву, идет к телефону, который стоит на подоконнике, снимает трубку.)* А, Тамарка, привет. Жмурик в первой неврологии? Не, ну за триста грамм своего медицинского ты сама вези, Тамар. Четыреста? Тамар, ща идем. О'кей, Тамар. *(Кладет трубку.)* Жмурик в первой неврологии за четыреста грамм.

Ф е л и к с. С венами? *(Берет со стола бритву.)*

А р к а д и й. Ничего не сказала. *(Пауза.)*

Ф е л и к с. Завтра в семь утра из подъезда я выходить буду. Ты сможешь завтра опередить меня со своей бритвочкой. Только завтра я буду с голыми руками. Надеюсь, не передумаю. Надеюсь. У тебя шанс. *(Наступает на Аркадия, угрожая бритвой.)* Не могу, на хуй, сам с собой покончить! Помоги!!! Ты десятым будешь, если не поможешь, десятым - юбилейным, на хуй, если не поможешь!!!

А р к а д и й. Чиво?!! *(Перехватывает руку Феликса.)* Интеллигент!!! *(Бритва падает. Затемнение.)*

КОНЕЦ

1973 – 1987 Москва - Париж